

Анатолий Кирилин

Родился в 1947 году в Барнауле. Автор двенадцати книг прозы и публицистики, изданных в Сибири и Москве. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай» и др. Живет в Барнауле.

ПУТНИК ЗАПОЗДАЛЫЙ

Повесть

1

Красивая армянка сказала:
— Если у вас есть это, — она показала на кинзу и укроп, — остальное уже не важно.

Таким образом она, должно быть, отшивала бабульку, навяливавшую Листову петрушку и шпинат.

Конец июня. Рынок начинает оживать красками огородной зелени. Листов убежден: самое вкусное вырастает там, где живешь, — зелень, огурцы, помидоры. Привозное не то. Он заканчивает свой обход рынка, так толком ничего и не купив. В кошелке укроп с кинзой да два десятка яиц с двумя желтками. Это, во всяком случае, утверждает бумажка на стекле киоска. Пожилая продавщица, торгующая, похоже, недавно и не окрепшая еще в новой для нее науке вранья, уклончиво отвечает:

— Бывает, но, конечно, не все.

Понятно. Дома на сковородке ни одного двойного не окажется. Зато вон какие крупные.

Листов пришел домой со странным ощущением потери... Вроде все на месте. Или сигнал подают потери завтрашние? Сигналы... В последнее время его повсюду сопровождает музыка. Мелодию не распознать, инструменты не различить, и вообще — есть ли она, эта музыка, эти звуки на самом-то деле? Не мститесь ли ему? Говорят, при гипертонии такое бывает — всякие там шумы в ушах, звоны. Раньше он ходил по квартире и вслушивался: может, в трубах отопления гудит или водопровод с канализацией подшумливают? Не найдя очевидной причины странной музыки, Листов перестал искать ее источники и с усмешкой объяснил себе, что это, верно, горные звуки. Архангелы свои трубы к губам прикладывают, призывают. И задумается иной раз: или пора?

А вчера он встретил старую знакомую, по школе еще. Стало быть, они по возрасту ровня или около того. Рассказала, как они с группой таких же пенсионеров ходят в горы.

— По-настоящему? — не поверил Листов.

— Ну да. У нас самому старшему семьдесят восемь лет, он нынче на Белуху поднимался.

— А ты?

— И я.

Листов задумался, представил себе ледяные склоны, снежные вершины, беспомощных человечков среди холодного безмолвия.

— Это же для молодых, — высказал он сомнение, — это, в конце концов, опасно.

— Нынче четверо томичей погибли. Нам сказали, умерли от переохлаждения. — Она изобразила на лице смесь непонимания и осуждения. — Они считают этот лагерь своим, там у них ученые-гляциологи постоянно работают. И приезжают как на прогулку, налегке. Мы собираемся — пуховики, запасная теплая обувь, на башмаках «кошечки», чтобы не скользить, у каждого персональная легкая палатка, большая палатка под штаб и кухню, двух баранов за собой тащим — мясо свежее. Рюкзаки разберем — целые вешала сырокопченых колбас и окороков, тушенка, гущенка...

— Как на банкет! — усмехнулся Листов и живо представил себе картинку с животными на веревке. — Баранам тоже «кошечки» надеваете?

Шутка не была принята, на том они и расстались. Листов провожал ее взглядом и думал: а вдруг бы он тоже смог! Вот окликнуть сейчас, догнать и сказать: возьмите меня с собой! Я потренируюсь, ноги подкачаю, я курить уже десять лет как бросил, я же когда-то кроссы бегал... Он вздохнул, подумал, что надо бы зайти в спортивный магазин, подобрать кроссовки и начать... Что начать — Листов пока не придумал, но увиделся ему стадион при школе неподалеку от его дома, а на беговой дорожке бабушки — кто на своих двоих, кто с костыльком, кто с двумя палками наподобие лыжных. Это недавно к нам пришло, вроде бы называется скандинавской ходьбой. Однако бывают там и дедушки.

В Сибири погода не соблюдает календарей. Вот уже который год первый снег объявляется в середине сентября, видано ли дело! А весна едва собирается с силами к середине мая. Когда Листов думает о причудах климата, ему на память приходит Первомай где-то конца шестидесятых. Тогда они с друзьями после застолья отправились на Обь и обгорели на солнце до волдырей. Ему запомнилась сводка погоды на те праздники: температура воздуха плюс двадцать шесть, воды в Оби — плюс восемнадцать. Теперь такое возможно полтора-два месяца спустя после Первомая... И все в природе будто бы ускоряется. Только что земля утопала в снегу, день, другой проходит, глядь — поля и городские улицы чисты. Разве что потемневшие остатки сугробов таятся в логах да темных дворах. Вчера еще тополя выкинули бордовые сережки, а вот уже — не успеешь оглянуться — на их месте зеленые кисти, так же скоро выстилающие улицы пухом...

Листов думал об этом, подходя к подъезду со своими скудными покупками. На отмоствах и возле крыльца лежали катыши из тополиного пуха, против обыкновения не успевшего по-настоящему досадить. «Так скоро!» — разочарованно подумал Листов и пожалел, что опять не заготовил березовый сок. Уже который год он жалел об этом, когда деревья покрывались листвой. Ему бы напомнить себе, что он ни разу в жизни, кроме как в армии, не заготавливал этот сок, но нет, каждую весну с одинаковым опозда-

нием он сожалеет. А что в армии... Выгоняли солдатшек в березняк, где они развешивали посудины под насечки на деревьях. Надо заметить, нигде за всю службу с бесконечными мотаниями по полигонам не чувствовал он такого близкого дыхания дома, как там, в густом березняке. Потом сливали добытое в огромные бочки, стоящие в овощехранилище, под землей. А летом солдаты и младшие командиры томились от жары на плацу, дожидаясь, когда командир дивизиона, спустившись в подземелье, утолит похмельную жажду кваском из того сока, отбродившего, отгулявшего в прохладной темноте, накопившего взятую от самой земли оживляющую мощь...

2

Дойдя до нынешнего возраста, Листов попытался пересчитать свои ошибки, хотя бы наиболее значительные. Увы, занятие не увенчалось успехом, и он подумал, что вся его жизнь есть одна сплошная большая ошибка.

Наверно, теперь это уже не имеет значения, потому что прожитого не изменить, сделанного не исправить. А самое главное — у него нет никакого желания что-либо исправлять.

Он встает утром, рано, по-стариковски, пьет таблетки, часто, впрочем, забывая это делать. Знакомый доктор сказал однажды: любые, даже самые необходимые лекарства надо принимать с перерывами. Смотрит в окно: как там одеты прохожие? По одежде и температуру воздуха определяет. Потом уже садится к компьютеру, сверяет результаты своих погодных наблюдений с интернетом. Сегодня сошлось.

Заглянув в почту, он набирает в поисковике: «гора Белуха». Вот что сообщил интернет. «Гора Белуха находится в Усть-Коксинском районе Горного Алтая. Она является высшей точкой Катунского хребта и высшей точкой Сибири. У Белухи две вершины в форме неправильных пирамид — Восточная (4506 м) и Западная (4435 м), между которыми находится понижение — «Седло Белухи», высотой 4000 м. Две вершины Белухи вместе с находящимися слева и справа вершинами Делоне и Короной

Алтая, образуют Аккемскую стену, почти вертикально падающую вниз в сторону Аккемского ледника».

Все это и еще много чего о Белухе Листов давно знал, просто вдруг захотел уточнить высоту. А еще он прочитал на том же сайте: «В центре Сибири стоит священная гора Белуха. Высотой в четыре с половиной километра. Самая высокая гора Сибири имеет, однако, еще одно, более высокое измерение. Издревле алтайские шаманы обожествляли Белуху. Именно там, по преданию, находится вход в сибирскую Шамбалу, увидеть которую нельзя, не имея духовного зрения. Белуха — это энергетический мост между землей и небом. Обитель богов и духов».

— Да! — сказал он своей фотографии, откуда смотрит исподлобья сорокалетний угрюмый тип, совсем не похожий на него, на Листова. — Не слабо, в семьдесят-то восемь на такую высоту!

И, продолжая читать, наткнулся на строки писателя и исследователя Шишкова.

«Есть на свете такая диковинная страна, называется она — Беловодье. И в песнях про нее поется, и в сказках сказывается. В Сибири она, за Сибирью ли, или еще где-то. Сквозь надо пройти степи, горы, вековую тайгу, все на восход, к солнцу, путь свой править и, если счастье от рождения тебе дадено, увидишь Беловодье самолично. Земли в ней тучные, дожди теплые, солнышко благодатное, пшеница сама собою круглый год растет — ни пахать, ни сеять, — яблоки, арбузы, виноград, а в цветистом большетравье без конца, без счету стада пасутся — бери, владей. И эта страна никому не принадлежит, в ней вся воля, вся правда искони живет, эта страна диковинная... Молола бабка Афимья — безрукий солдат при медалях ей быдто сказывал: “Беловодье под индийским царем живет”. Врет бабка Афимья, врет солдат: Беловодье — ничье, Беловодье — божье».

Раннее утро. Он бредет по тропинке, проложенной от дома к контейнерам для мусора. Эта же тропинка ведет к школьному стадиону, который, если верить постеру на сеточной ограде, школьникам подарила партия «Единая Россия». Далеким от политики Листов, увидев надпись впервые, подумал с некоторым удивлением: надо же, партия — и стадион. Он в партиях

никогда не состоял, но почему-то был уверен, что партия — это место, где собираются, чтобы поговорить. Тропинка тянется через двор, там в беспорядке соседствуют старые клены, давно готовые к последнему сроку яблони, две исковерканные песочницы, кем-то оставленный бетонный блок, облюбованный желающими выпить на природе, островки задичавшей травы, которую поливают и удобряют на выгуле домашние собачки.

Листов выходит на беговую дорожку, огибающую стадион, останавливается в задумчивости, поднимает глаза к небу, а оно ярко-голубое, прозрачное, его еще не успело опалить раннее солнце. Прислушался — тишина, птицы отчего-то молчат, и даже шум автомобилей сюда не доходит.

— Эй! — коротко крикнул он в небо. И уже тише: — Мне хорошо здесь! Вот здесь, понимаешь?

Прошло три месяца с того дня, когда Листов узнал, что у него рак. Что испытал он в первые мгновения? Да ничего! Странно, не правда ли... Потом уже полезли в голову всякие мысли — всё в куче — сколько осталось, избежать бы мучений, найти суперсредство, зарубежных докторов, травников... И многое, многое другое. Надо, сказали, круто менять образ жизни, а как это сделать, и что значит «круто»? Отказаться от вина, женщин, лыжных прогулок, общения... Питание... Да-а-а... Конечно, полез в интернет, конечно, вычитал кучу противоречий и заверений, что рак излечим. В России ежегодно 300 тысяч умирают от рака, в Америке — 500. Население Америки в два раза больше, то есть показатели схожие. А как же передовая медицина США? Дело, наверно, в самой болячке, ее природе, с которой врачам, очевидно, бороться трудно. Там же он вычитал: натурщица, изображенная на картине Рембрандта, болела раком молочной железы. Во как!

Врач посоветовал завести тетрадку и записывать туда, что съел, что выпил, как самочувствие... Не хочется вести дневник умирающего по примеру известного медика-исследователя. У того была научная задача — понятно. А тут предполагается нытье. Племянница, единственная оставшаяся из родни поблизости, в городке за три сотни верст, прилетела встревоженная. Пробыла два дня, утешала. Сказала, что эта болезнь — следствие злости, и виновата в ней его бывшая супруга, на которую Листов якобы злился.

Злился, конечно, временами ненавидел. Всё прошло. Он-то, грешный, думал, это болезнь уныния. Сроду не унывал, так что, похоже, племянница права. Дочери Листов ничего не сказал, она далеко, в Испании, не стоит дергать. Сын, решив жить самостоятельно, уехал в какую-то деревню в соседней области и забыл сообщить адрес.

3

Неделю назад встречались с одноклассниками. Через пару лет будет полвека, как Листов окончил школу, и мало кто верит, что они с классом до сих пор собираются. И уж точно, никого невозможно убедить, будто им на этих встречах не бывает скучно. А вот и правда! Они никогда ни минуты не тяготились друг другом во дни традиционных встреч, они, постаревшие, померкшие, сидели за столом по пять-шесть часов и не хотели расходиться. Почему так — отдельный разговор. Молодая подруга Листова написала по этому поводу ему в электронной почте: «Вы — другие. Вы — другое поколение. Вы еще люди». Подруга — тоже отдельный разговор, Листов сейчас не хотел пускать ее в свои мысли.

А вот и физкультурники пожаловали. У старости разные болезни, но каждому больному врачи рекомендуют побольше гулять, если он, разумеется, еще в состоянии передвигаться. На беговую дорожку выходят две старушки с теми самыми скандинавскими палочками. Они забавно перебирают руками в такт ходьбе, лица их серьезные, сосредоточены. На одной широкополая шляпа из давних времен — такие носили дамы на летних променадах в городском саду, голову другой оберегает от солнца выцветшая лыжная шапочка с большой буквой «Д». Это нелепое соседство добавляет комизма в их странные движения лыжниц на асфальте. Чуть в отдалении от них следует высокий старик в велюровой шляпе и очках «Директор», модных полвека назад. Ни намек на сутулость, что при его худобе и росте не так уж часто встретишь. «Наверно, отставник», — подумал Листов. В руке старик держит трость, едва касаясь ею земли. Очевидно, особой нужды в ней у него нет и вся задача этой замечательной трости —

произвести впечатление на встречных. А уж красива! Тонкой ручной выделки, из темного мореного бука без лака и дополнительной подкраски, набалдашник в виде оскаленной песьей головы, инкрустация из пластинок перламутра и медных накладок. А глаза у собаки из красных камней, и почему-то Листову подумалось, что это настоящие рубины, а не просто стеклышки.

Необыкновенно высокий рост отставника подчеркивала следовавшая за ним милая супружеская пара из соседнего с листовским подъезда. Эти двое, напротив, были так малы ростом, что в представлении Листова просились на сцену театра лилипутов. Почему сразу вот так, на сцену? Да потому что не всякому в толк взять, как этикие мелкие люди приспособлены к обычной жизни, где все не по ним? Из особых примет, кроме роста, в их внешности — ее вуалетка на бежевой фетровой шляпке с двумя вишенками и его скиперская борода, делающая главу крохотного семейства похожим на гнома из сказки про Белоснежку. Глядя на них, можно было придумывать самые удивительные истории, тем более что Листов видел его в дни геройских праздников в малиновом берете, не в каком-то там партикулярном швейном изделии, а в берете самого настоящего военного образца! О, это уже навеивает совсем особенные мысли, малиновый берет — бывший опознавательный знак десантника! А как они отвечают на приветствие! Иногда Листов, завидев их вдалеке, специально спешит навстречу, чтобы раскланяться с ними. Они никогда не здороваются на ходу, обязательно остановятся, она с подчеркнутым достоинством приподнимет голову и одарит легкой улыбкой, а он, широко улыбнувшись в изысканном полупоклоне, обязательно скажет:

— Мы рады видеть вас в добром здравии!

Листов медленно бредет по беговой дорожке, окаймленной густой зеленью бесцеремонного кленового подростка. У бордюра, отделяющего зелень от дорожки, резвится бродячий выводок котят. Им, наверно, около двух месяцев отроду, гладкие, чистые, еще не запаршивели, не потрепали себя в битвах за еду и любовь. Однако происхождение котят не вызывало сомнений. Листов насчитал семерых, причем ни один не повторял окрас другого. Можно подумать, у этого выводка разные отцы, но так ведь не бывает...

Сколько ни оттягивай возвращение, надо двигаться в сторону дома. Листов делает последний круг в обход стадиона и медленно отправляется через запущенный дворовый сквер, думая: почему — сколько он живет здесь — никому не придет в голову окультурить это пространство? Уж лето всю хозяйничает, а здесь вбитая в землю грязная прошлогодняя листва, бесполезно разросшиеся деревья, трава, тут и там торчащая беспородными клочьями, и какой-то вечный мусор, которому и названья-то сразу не подберешь. И вспомнился тут Листову Иван Алексеевич Бунин, у которого... «как следует по обычаю, пора сказать старосте, чтобы позвали девок-поденщиц да взялись наводить порядок в господском саду...» Господи! Какие старосты? Какие девки? Но вот и ответ, вот и попытка! Там, где задурненная земля подходит к кромке дороги, опоясывающей дом, ветхая бабушка из крайнего подъезда огородила веревочкой участок, возделала грунт и посадила цветы. Совсем недавно отцвели тюльпаны и нарциссы, за ними набухли тяжелыми бутонами пионы, подошла пора ирисам, ландышам. Вот сейчас она вышла поливать свой палисадник, набирает в ведро воду из крана, выставленного в подвальное оконце.

— Давайте я! — Листов подхватил ведро, поставил возле веревочной ограды. — А вы молодец, — неуклюже похвалил он. — Хотите, я буду помогать? Все время.

— Чего тут помогать? — Соседка тяжело распрямила спину. — Посадила, полила, траву подергала. Вот не смогу разогнуться, тогда. Я ж на саду с дочкой не такое ворочала, все тогда имели с сада-огорода... — Она замолчала, посмотрела куда-то за кусты. — Умерла дочка, и у меня силы кончились. Нету больше сада. Вот. — И она повела рукой, указывая на свои веселые посадки.

Листов раскланялся с бабушкой, подошел к своему подъезду, постоял спиной ко двору и оглянулся, оттягивая минуту прощания с зеленым миром.

Прямо перед ним лихо затормозила приземистая и широкая, во всю проезжую часть, машина. «Зачем авто, — оценил низкую посадку подвижного состава Листов, — если на нем даже на рыбалку не съездить?» Из транспорта выпорхнула едва

достигнувшая совершеннолетия девушка. Машина тронулась, но тут же затормозила вновь, из нее выглянул седой красавец, точь-в-точь с банковской рекламы на парадной стороне листовского дома, обещавшей вечную счастливую жизнь.

— Люблю! Куплю! Полетим! — крикнул он вслед юному созданию, и машина, рыкнув всей своей ненужной мощностью, отбыла со двора.

Около крыльца маленький островок зелени, два квадратных метра, зажатые со всех сторон асфальтом. Заселен он всем тем, что теща Листова — царствие ей небесное! — настойчиво предлагала употреблять в качестве целебного средства: растет без полива, без ухода, стало быть, к жизни более всего прочего способно. И сила вся живительная в нем. Вот тебе и наука, выходит, всяк сорняк полезен. Листов сорвал веточку чистотела, проследил, как на сломе медленно нарастает ядовито-желтая капля. Этот, говорят, надо жевать тем, у кого то же самое, что у него.

— Да отстаньте вы все! — сказал слышное лишь самому себе, продолжая все так же стоять спиной к подъезду и постепенно отпуская на волю слова и смыслы, бродившие в голове. Долго стоял так, никем не беспокоимый...

«А ведь это и есть счастье!» — подумал, остановив взгляд на парящем в синей выси коршуне. И слово это вроде подзабыл, давно соединять его с собой, с чувствами своими не приходилось... А тут вот глянул в небо — и задохнулся. И потянуло нутро небывалой сладостью, далеким теплом. И мысли пришли: не важно сколько еще, не важно когда! Чуть пососедствовать с этим огромным, никому не принадлежащим, совсем немного себя удержать подле него. И с тем уйти...

4

С этого дня он перестал соблюдать режим питания, предписанный врачом, отложил в сторону большую часть таблеток. Накупил сыра и баранины, выбрав куски пожирней. И пошел в баню, что было запрещено категорически. Его узнали, даже —

показалось или на самом деле? — обрадовались. Здесь в одном и том же уголке собирались бывшие — футболист, главный инженер, патологоанатом, пенсионеры с непроясненным прошлым. И разговоры все те же: про дураков и жуликов в руководстве страны, про дряхлеющий футбол и мельчающую селедку в магазине... Листов нынче в разговоре не участвует, он напоминает себе солдата, вернувшегося в часть из госпиталя после излечения. Непонятно почему, но в голову пришел именно солдат. А со стороны он больше напоминал кота, зажмурившегося от солнца на теплой завалинке. По билетам на каждого посетителя бани отводилось полтора часа, но их угол никогда не беспокоили, сидите хоть весь день.

— Клава! Пивка принеси, душа моя! — окликает банщицу начальственно-ласковый голос.

— И водочки прихвати! — поддерживает замысел другой.

Листов выпивает со всеми. С пропусками, по чуть-чуть. А парная хороша! И венички с прошлогодней заготовки отлично перезимовали, не высохли, лист крепко держат и запах березовый. Будний день — на билет в баню пенсионная скидка, и прочего народу поменьше. Может показаться странным, но кто-то нынче еще работает. Вот сейчас он выпьет последнюю толику, посидит, сходит в парную пару раз — и хмеля как не бывало. На сердце покуда, слава богу, Листов жалуется редко, хотя приступы случаются. Гипертония.

На скамеечке перед входом в баню отдыхает дедок. Одет не по-летнему, остыть с пару боится.

— Садись, — приглашает Листова, — вместе поскучаем.

— Чего скучать-то? — усомнился Листов.

— Скуча-а-а-ешь! — с веселой уверенностью затвердил дед. — Один же, вижу.

Что тут можно увидеть? Листов бегло оглядел себя и не обнаружил примет одиночества. Присел.

— Мы с бабкой в Калманке жили, — дед будто бы прерванный рассказ продолжил, — недалеко от города, полтора часа езды. Все поразъехались, вот и мы с бабкой подались в город за детьми. А те дальше полетели, угонишься разве? Хорошо, дом в деревне остался... Потом бабка померла.

Он помолчал, порылся в кармане толстовки, не спеша достал коробочку из-под леденцов. «Табачок нюхает», — догадался Листов, разглядев через седую щетину под носом въедливый коричневый след. Дед остановил понюшку на полпути.

— Видеть лучше стал с табачку-то. Соседа научил, тот сейчас без очков читает... Я ведь на плохой работе всю жизнь трудился, в кузнице. Тяжело, жарко. А теперь... Был вот на заводе «Трансмаш» — чего не работать?

— Понятное дело, не кузница, — согласился Листов. — Опять же от завода пшик остался. А ты чего не женишься? Баба-ка-то давно померла?

— Да невест хоть отбавляй, но они с чего разговор все начинают? Перепиши дом, тогда и жить будем. Не о жизни говорят. А как я перепишу, может, жизнь вместишь и не пойдет. Не-е, посмотреть надо. Вот приехал, шерсти купил на рынке. Прошу кого связать — некому, бесполезно. Веретено нашел, прялочку, пошел по соседям. Кто не умеет, у кого времени нет. Эка новость, время! Дома делать ничего не надо, вода есть, тепло тоже, ни дров, ни сено запасть. Куды его девать, время-то? Нашел кое-как старушку, спряла. Теперь вот вязать некому. Найду, поди, до холодов...

Наконец, он втянул в себя понюшку, крутнул головой, обмахнулся.

— Ты бы вот тоже, ходил на рынок да купил шерсти. Пошел по соседям с вопросом — глядишь...

— Ну, ты хитрец! — рассмеялся, поднимаясь со своего места, Листов. — Удачи тебе в твоих поисках!

Вечером он отправляется в заведение с влекущим названием на латыни — «In vino». Если говорить о выпивке, банная водочка сегодня — исключение, Листов давно уже перешел на вино, стакан-другой легкого напитка — и домой. Нынче здесь малоллюдно, из завсегдаев бывший милиционер, ушедший на пенсию в звании полковника, да хамоватый дворник Афанасич. Эти двое существуют без прозвищ, которыми продавец Елена награждает посетителей, как есть — полковник и Афанасич. Еще при своем имени здесь существует он сам. Дядя Витя.

У самого края стойки притулились два паренька, по виду студенты. Листову слышно, о чем они говорят.

— Когда я всё потерял...

Пареньку лет двадцать, не больше. Темный пушок по щекам и на подбородке уже обретает жесткость, но до щетины еще далеко. Цвет лица нездоровый, подвальный какой-то, без жизни, кожа прыщеватая — в общем, уже не подросток, но еще и не мужик.

— Когда я всё потерял, — повторил он тусклым голосом, — только тогда я всё понял.

— Это точно... Когда всё потеряешь...

Его собеседник — похожий на него сверстник, разве что кожа лица чище, побрит и не такой потерянный с виду. Они замолчали, и не похоже было, что продолжат. Наверно, разговор их затеян был раньше, а на том, что услышал Листов, уже закончился.

«Когда я всё потерял», — безо всякой мысли повторил про себя Листов. И тут же туманом накрыло пареньков, другую пару посетителей, прилавок с продавцом Еленой...

Меньше всего ему хотелось бы возвращаться к тому дню, но не властен он в этот момент над памятью. Гололед. Двадцать девятое октября, день рождения комсомола. Листов только что забрал машину из автосервиса. Не успел проехать пятисот метров, как слетел с обледенелой дороги и врезался в бетонный столб. Нет бы подождать, через час земля отогреется и лед сойдет с дорожного полотна. А тут... И зимнюю резину еще не успел поставить. «Копейка» принадлежит тестю, который вместе со зрением начал терять интерес к езде на автомобиле.

— Пользуйся, — протянул он Листову ключи от машины.

Листов ждал условий, они, как он был уверен, должны последовать за этим жестом. Не дождался.

Из всех развлечений, связанных с машиной, дед (к тому времени они с женой уже сделали его дедом) признавал только поездки за грибами. Тут-то они с Листовым и нашли друг друга. Сначала дед отвозил их на заповедные засеки и поляны, теперь вот Листов за водителя.

Самое поганое во всей этой истории, что машина едва выехала после ремонта. Досада! Листов врезался лбом в баранку, и хотя был пристегнут, удар оказался нешуточным. Передок

вдребезги — капот, крылья, балка, лонжероны... Он сидит, соображая, что сейчас должен делать, и поглядывает на проезжающие мимо автомобили. Больше всех запомнился КАМАЗ, вернее его водитель: он показывал на Листова пальцем, и такое неопишное счастье светилось на лице человека — невольно порадуешься за него.

Да, так вот что еще. Когда на Листова летел тот столб, он точно знал, что останется живым. Трудно поверить: в те секунды — летишь, и одна мысль в голове — все, пропал!.. А вот и нет, мысль у него была действительно одна, но не та, другая: жив буду!

Листову вызвались помогать гаишники, они тормознули какой-то газик, и тот дотащил жигуленка до автоцентра. До того самого, из ворот которого Листов выехал час назад.

Потом он долго мотался по городу, не решаясь показаться на глаза тестю, но, сколько ни оттягивай неизбежное, оно случается. Тесть выслушал Листова и, не произнеся ни слова, пошел на кухню. Достал из своего тайника бутылку водки (просмотрела теща, громившая его загашники почти ежедневно), извлек из шкафчика нарезанный и посоленный заранее лук, наполнил стопки.

— Ну, давай за день рождения комсомола!

Первая мысль — издевается!

— Давай, давай! Ты о железе-то сильно не задумывайся, на то оно и железо. Отремонтируют.

— Да я, да я, — от избытка чувств Листов начал заикаться, — я ремонт оплачу до копейки, я...

— Хватит! Сказано же! Давай за комсомол!

И тут лицо тестя как-то поехало на сторону, расплылось, и на его месте оказалась веснушчатая физиономия листовского племянника Серёги.

— Дядя Витя! Дай на мороженое! Дядь Вить, а дядь Вить!..

Он очнулся и увидел у самого лица продавщицу Елену.

— Дядь Вить, тебе плохо?

— Нет-нет, — торопливо ответил Листов, делая усилие, чтобы определиться с местом — где это он?

Пришел в себя и подумал о том, что привиделось в ином бытии. Надо же, пили за комсомол, а к тому времени Листов

несколько лет как расстался с ним, что уж говорить про тестя! Потом уже, спустя годы и годы, когда жизнь в стране круто поменялась и компартия СССР превратилась в ничто, Листов понял, что для тестя все это было всерьез — комсомол, партия, идейная убежденность. И даже жигуль, не всякому доступный в то время, по его меркам, был всего лишь куском металла.

5

Листов перестал искать в интернете рецепты против своей болячки, отзываться на страницы с соблазнительными девушками и улыбочивыми докторами, обещавшими скорое, полное и окончательное излечение. Однако против воли натыкался на чьи-нибудь размышления на тему «вот я болею не как все». Или наоборот: «как всякому заповедано...» Вот и сегодня выдвинулся кто-то из больных.

«Ты уже не забываешь о Боге. Молишься много и в храм Его ходишь чаще.

Ты становишься тише в своих суждениях о происходящем вокруг тебя. Частично или полностью теряет всякое значение многое из того, что еще вчера казалось интересным, важным, необходимым.

Ты хочешь каждодневно бывать где-нибудь у реки, на озерах, в лесу. Желательно в одиночестве.

Ты больше читаешь духовной и классической литературы. Ты избегаешь читать, слушать и смотреть всякие текущие новости, осознав, что всё это только мусор, который годами засорял твой мозг и душу. А то совсем малое из всей нескончаемой мусорной лавины, что тебе по какой-то причине все же надо знать — ты все равно как-то узнаешь.

Тебе почти отвратительна даже робкая мысль о спиртном. Но — без какого-либо осуждения тех, кто, как ты еще вчера, вовсе не против “иногда”, “по случаю”, “по праздникам”, “с друзьями”...

Твои близкие, прознав о твоей болезни, начинают любить тебя больше, чем ты этого заслуживаешь.

Ты полностью соглашаешься с тем, что уныние — действительно большой грех. И не унываешь!»

«Может, у кого и вправду ума и разума прибывает в недужности?» — подумал Листов. Сам он едва согласился с двумя пунктами из этого строгого речения — насчет уныния и потери интереса к тому, что происходит вокруг. Правда, этот интерес он потерял задолго до врачебного приговора. Газеты кончились, телевизор потух лет пять назад, соседки-бабки на редкость неразговорчивы, друзья исчезли на второй день по его выходу на пенсию. А были ли? Ау-у-у!!!

Утрами посещают мысли о немногих оставшихся в памяти женщинах, но все как-то без огня, по инерции, что ли. Наверное, придет время, и наступит полное безразличие к любимым когда-то. И тогда мир потеряет последние краски. Вспомнилась студентка-старшекурсница, что-то неуловимое цепляло в ней, что-то подсказывало: эта девочка покажет себя! Он предложил ей встретиться вечером (преподаватель — студентке!), по легкому коктейлю в недорогом кафе, разговор ни о чем и никакого ухаживания. И никакого продолжения... Она стала богатой и однажды позвонила ему, предложила встретиться. Зачем? Он уже не увидит пятен на ее плаще, не поймает сумасшедшего блеска в глазах. Лишь туман во взгляде и высокомерие со скукой пополам.

Вчера Листов встретил на улице кадровичку из университета, которая, как ему казалось, хотела понравиться всякому, даже случайно остановившему на ней взгляд. Она без прелюдий выложила, что рассталась со своим ухажером (дама называет его бойфрендом, обоим далеко за пятьдесят!) по причине отсутствия романтики.

— Возвращается после работы — будто к соседям за спичками зашел. Любимая у него — предмет привычной обстановки!

Лето, лето, лето... Какое-то оно нынче мягкое, без жары и суточных перепадов температуры — Прибалтика, а не Сибирь. На школьном стадионе все без изменений. Сегодня лидирует старушка в динамовской шапочке, ее товарка в широкополой шляпе приотстала. Семейная пара появилась чуть позднее обычного,

они, против обыкновения, возбуждены, что-то доказывают друг другу, поочередно вскидывая руки.

— Доброго здоровья! — поприветствовал Листов высокого отставника с красивой тростью. — Как вы думаете, наш климат уже перестал быть резко континентальным?

Тот кивнул, но как будто не Листову и взгляд направил за его плечо. И начал говорить, словно считывал с монитора, поставленного там, за спиной соседа по двору.

— Мы находимся почти в центре Евразийского материка, океаны на тысячи километров удалены от нас, поэтому в теплое время года суша сильно нагревается, температуры высокие, лето жаркое. Зимой, наоборот, происходит быстрое охлаждение всего материка; на северо-востоке Сибири образуется область высокого давления — Сибирский антициклон. От него идет на запад полоса высокого давления, в связи с чем зимой обычно устанавливается ясная морозная погода с низкими температурами. Значительное колебание температур характерны для резко континентального климата...

Ни запинки, ни паузы! И все на одной ноте, будто компьютерный толмач. Листов хотел было возразить, что вот этой-то резкости в последние годы как раз и не наблюдается, но раздумал и пошел своей дорогой, невнятно поблагодарив. Вот тебе и военный! — посмеялся он над своей догадкой. — Хотя, вполне вероятно, и у военных есть свои метеорологи. Высокий господин как ни в чем не бывало продолжал свое неторопливое шествие.

Малорослая семья продолжала спор, не обращая внимания на приближающегося Листова.

— Мадам! — Шкиперская бородка выставлена вперед и вверх. — Вы же не будете отрицать, что красота стоит денег?

— Я, дражайший мой, распоряжаюсь своими деньгами и красотой, за которую хотела бы платить. Не надо мне навязывать траты на уход за чьим-то палисадником.

— Но это же для всего дома, для двора, для общества! — горячился бывший десантник.

— Я не двор, не общество, я — это я! И мои цветы у меня в вазе, на балконе, в моем саду!

Пальчик в черной нитяной перчатке коснулся бороды, вишенки на шляпке вздрогнули и застыли.

Листов догадался о предмете спора. Несколько дней назад у него в квартире отключили воду, и он с ведерком отправился на улицу, зная, что у дальнего подъезда есть кран. Из него-то и набирала воду для своего палисадника старушка, которой он накануне предлагал помощь. Едва он приставил к крану ведерко, из распахнутого окна на первом этаже выглянула пожилая женщина. Листов тогда подумал: еще одна, дом престарелых, не иначе!

— А вы из какого дома будете? — задиристо поинтересовалась она.

— Так из вашего же. — Листов обернулся к своему подъезду.

— А то у нас теперь, сами знаете, общедомовые нужды на учете — свет, вода, тепло... Неохота за кого-то постороннего платить...

Стало быть, бабушкин цветник вместе с водой для его полива вторгся в мирную жизнь занятных человечков. И поди рассуди эту пару! Не один десяток лет, очевидно, прожили вместе, а вот во всем едиными быть не получается. А надо ли?

Котята общим числом семь (пока без убыли, отметил Листов) резвились на травке, не догадываясь, что так будет не всегда. Наступят холода, траву засыплет снегом, выжить будет намного трудней, и кто знает, сколько их останется через год...

В голове у него засело: общедомовые нужды. Тогда, возле крана он не придумал значения этим словам, а вот теперь... Он вдруг вспомнил непонятную аббревиатуру из квитанции на квартплату — ОДН. Так вот же что это такое — общедомовые нужды! «Спасибо, просветили!» — поблагодарил он неведомо кого.

Он сварил два яйца, покрошил, смешал с мелко посеченными укропом и кинзой и заправил майонезом. Подумал: сюда бы еще огурчик свежий! Попробовал — и так неплохо!

Вот и вечер пришел. Который уж из многих и многих... Опасное время, когда вдруг по-новому, с каким-то отчаянием встает перед ним очевидное: в доме моем не хватает людей! И тут же промелькнет тень матери, проступит облаком лицо сестры. Где вы, где вы? С неба взираете на него или со стороны?.. Сын два года как отделился, и никто не говорит Листову

о бессмысленности жизни. Чудак! Это у него покуда нет смысла, у отца есть, конкретный, облеченный плотью, именем и башмаками, которые изнашиваются чаще, чем того хотелось бы.

Врач прописала таблетки, которые, по ее словам, приносят мягкий сон со сладкими сновидениями. Увы, ожидание сладких снов ни к чему не приводит. В какой-то момент погружение в небытие напоминает предсмертье, когда должно явиться все откровение мира и его собственной жизни. И тут же настигает страх и желание отмахнуться от увиденного, хотя ничего еще не увидел.

И он стал думать о приятеле, у которого на днях вдребезги разнесли дачу. Замечательное строение, место, где его обитателям было хорошо. Как незащищен человек перед человеком! Нет другой стихии, которая могла бы так безжалостно расправиться с ним!

— Брат мой! Убей меня сразу, не мучай!

6

Включил компьютер, прочел на мониторе: режим ограниченной функциональности. Подумал, что этот самый режим вполне соответствует его нынешнему существованию. «Ну вот, сейчас начнется! — это Листов сам себе. — Скажи еще, что живешь, как в камере смертников: приговор объявлен, сроки неизвестны...» Не-ет, другой Листов считает, что жить вопреки — куда более значительный повод, чтобы просто жить, чем признание никчемности всего... Этот другой не хочет повторять изо дня в день ночное глядение в темноту комнаты и лелеять полумечты-полупланы. Или не так. Мечты о том, что уже никогда не случится... Надо смертельно уставать, чтобы засыпать побыстрее. Надо натрудить ноги. Ходить — это ему разрешено без ограничений. Надо натрудить ноги!

Первый, кто встретился ему по дороге, — бывший директор драмтеатра, еще не достигший пенсионного возраста, но безмерно уставший от понуканий вышестоящего департамента. Он ушел со своей должности в никуда, потому постоянно искал работу. На этот раз он обрадованно сообщил:

— Делаем бальзамы и настойки. Я тебе подгоню. Это куда лучше, чем в наших ларьках продают.

Он протянул Листову визитную карточку, на которой крупно выведено: «Мир в ваших руках!»

— А не лучше было бы: весь мир у ваших ног! — предложил Листов. И тут же отступил. — Впрочем, это больше для женщин...

Раскланялись, и веселый экс-директор в мальчишеской яркой куртке заспешил к своим бальзамам.

Листов миновал несколько остановок, отделяющих его дом от речного вокзала. Через вокзальный репродуктор скучный женский голос приглашал горожан на прогулку по обским просторам. Он прошел вдоль берега до устья речушки, повторяющей название города. Унылое зрелище — мутный ручеек криво вползает в величавую Обь. Здесь, как всегда, несут вахту несколько рыбаков. Постоял, посмотрел, не дождался, пока хоть кто-то из них вытащит рыбку. И пошел дальше.

«Километра четыре прошел, может, пять, — прикинул Листов, подходя к своему перекрестку. — Домой или...» И свернул в сторону винной лавочки. А здесь, на пути к заведению, весь парадный строй в сборе. Побирušки, которых с крыльца стоящего по соседству храма стоняют прикормленные, штатные попрошайки. Безногий ветеран-афганец в покосившейся коляске, с трудом удерживающей его опухшее тело. Целый день пить, не вставая, — нелегкий труд. А добрых людей хватает, подносят и подносят. Все время возле него крутятся какие-то побитые жизнью ребята. С руками-ногами, но видно с полувзгляда: не нужны никому, себе — в первую очередь. Привычную картину нарушает мечущийся среди прохожих человек.

— Помогите! Уехать надо! Домой! Люди! — слова-рыдания беспрестанно вылетали из него.

Обычно в таких случаях легенду придумывают — обокрали, дом сгорел, мама помирает... Этот без замысла. «Может, и вправду уехать надо. Не смерть, но смертельная надобность? — подумал Листов. — Надо уехать! Край — надо!»

— Возьми!

Он протянул рыдающему человеку сторублевую купюру, подумав при этом: а ведь зарекался подавать...

Несмотря на ранний час заведение не пустовало. В углу у стойки знакомый токарь-универсал, одетый как профессор, горячо говорил что-то профессору технического университета, одетому как бомж. Завод, куда ежедневно ходил на работу токарь, начал усыхать с середины девяностых и вот, наконец, закрылся совсем. Токарю до пенсии чуть меньше десяти лет. Профессора бросила жена, оставив себе на память профессорскую квартиру, потому он и вправду бомж. С работы попросили за пьянство.

— Ну, скажи, зачем, зачем им столько? — наседал на обмягшего профессора собеседник. — Ведь больше трех котлет за раз не съешь!

Профессор сделал рукой движение, которое могло обозначать все что угодно.

— Сидим на куче золы, — продолжал представитель бывшей ведущей силы бывшего государства, — оставшейся от Советского Союза. Кто имеет возможность запустить руку поглубже, тот погрееется, остальных даже в очередь не пустят.

«Баня да пивная — последние очаги гражданского самосознания», — грустно подумал Листов и отошел подальше. Но просчитался. Здесь тоже, оказывается, двое, только один из них временно отсутствовал по причине отоварки новой порцией.

— Здравствуйте, Виктор Николаевич! — поприветствовал Листова подошедший со стаканом вина гобоист из местного симфонического оркестра. Он был худ, космат, шею его обнимал клетчатый шарф из плотной ткани. «В такую-то теплынь!» — удивился Листов.

Музыкант тут же забыл про него, придвинувшись к еще одному завсегдатаю винной лавочки. Это был не то экономист, не то социальный работник, род его занятий скрыт за туманом неопределенности. И кличку-то ему дала барменша Лена — Мутный. А Лена жизнь понимает и видит всякого насквозь.

— И этот финансовый гений, — человек по кличке Мутный придвинулся вплотную к собеседнику, — втолковывает мне. Плевать, говорит, что местные упыри и бандиты в погонах и без погон завладели городом. Скоро придут настоящие буржуйские деньги, из-за бугра, и местные финансы покажутся мелким

мусором. И все эти хлопчики останутся не у дел. Вопрос — где окажемся мы? А нам, как в нынешнем цивилизованном мире, дадут по две штуки с полтиной, в баксах, понятное дело, — живи и не дергайся. Замечательно! Сегодня нам бы хватило, только могут и не дать. Зачем, если у помоек еще есть места! А вообще в мире перепроизводства подобный пенсион — плата за бездеятельность, за отказ от шагов по преобразованию мира. Плата за никчемность и ничтожность.

Листов отыскал глазами свободное место, двинулся к нему, услышав напоследок:

— Того и гляди, Ротшильды переедут в Россию, деваться им больше некуда. Это как в свое время у нас целину осваивали...

Дальше Листов уже не слышал, отошел далеко. Подумал, что Рошильдов ему, точно, не дожидаться. Сегодня он заказал пол-литра каберне и попросил добавить в емкость пятьдесят граммов немецкого травяного ликера «Егермайстер». Попробовал — привычный вкус вина изменился, наполнился ароматом трав. Он сделал два больших глотка, постоял, не думая ни о чем, расслабился, ушел в себя, оживляя картинку прошлого. Вот они сидят с тестем на кухне, выпивают. На столе неизменный лук, нарезанный кольцами и посоленный накануне, сало, картошка и перестроечная талонная водка. Тесть долго разглядывает этикетку на бутылке и вдруг начинает плакать. И ни слова. Ни до того, ни после Листов не видел у него ни слезинки, тверд был дед — кремень. Впрочем, никакого «после», можно сказать, и не было. Спустя пару недель, дед пошел в магазин, упал и умер.

После его смерти Листов немного поездил на отремонтированной «копейке», а потом по просьбе тещи поменял ее на деньги. Вскоре он заработал на свою машину, и были это тоже «Жигули», только другой модели. Через каждые восемь-девять лет Листов обновлял свой «автопарк» и, несмотря на засилье иностранных автомобилей, так и остался при «Жигулях». Нынешним скоро десять, и теперь, думает он, нет никакого смысла менять: в лучшем случае два-три года — и он отъездил свое. А тестю он поставил памятник — отшлифованную с одной стороны глыбу ревневской яшмы на постаменте из серого гранита. Специально ездил на камнерезный завод в горную Колывань,

выбирал камни, делал заказ. На городских кладбищах, кроме этого, ни одного памятника из зеленой полосчатой яшмы нет.

А девять месяцев спустя у Листовых родился сын.

— Дядя Витя! Ты что это наладился у нас спать? — подошла к нему Лена.

Но он не спал. И даже не дремал. Просто отошел в прошлое.

7

Лето перешло за середину. В веселом палисаднике пышно цветут георгины, мальвы, лилии, какие-то цветы-не-цветы — желтые метелки и царствующие над всем золотые шары. Ах, лето, лето! Иллюзия жизни! Как хочется побольше упихать в один день! Как не получается! Мало времени... А оно, летнее время, для расслабления, романтики, путешествий и любви. По молодости Листов думал, что надо бы назначить на это время отпуск от семейной жизни, от верности, и наказывать тех, кто не влюбился летом. У старшеклассников, студентов еще есть возможность, не полюбив этим летом, влюбиться на следующее. У взрослых нет этой возможности, для них любовь — спасение и катастрофа одновременно, и это как раз то, к чему человек стремится, даже не осознавая того...

— Ты бездарная, бесполезная личность! — сказал себе и начал укладывать огромный рюкзак, подаренный ему когда-то другом, журналистом и путешественником.

Друг ушел на пенсию и обосновался в предгорной деревне Сосновке, почти у самой границы с Казахстаном. С тех пор Листов каждый год ездил к нему в Сосновку на неделю, бывало, на две. Редкой красоты деревня, оправленная зелеными холмами, переходящими кое-где в каменистые отроги. Понизу пространство выстлано акацией, черемухой, чуть выше — заросли можжевельника, таволги, потом ель, сосна, лиственница. А понизу вьется, обтекая валуны и перескакивая камни поменьше, речка Ворожиха. И недоумение не покидает Листова: почему люди пренебрегают этой красотой? Почему бегут отсюда, как от проклятого раз и навсегда места? Чего хотят, к чему придут? Из старожил

к тому времени, когда там обосновался друг Листова, остались Герман с женой, семейная пара Петровых да семья лесника Леонида. Герман работал в райцентре токарем в мастерской, рабочую неделю жил в общежитии, на выходные приезжал домой. Жена слезами обливалась, умоляя уехать отсюда в город, но он ни в какую. Упрется взглядом в стену и молчит. Она ругается, мол, тебе, обормоту, и сказать-то против нечего, но это не так: сказать он мог бы многое, но зачем это ей? Не может представить, как это взять, к примеру, сесть перед ней и рассказывать, что в город люди едут умирать — ни больше, ни меньше. Человек приезжает в город из разоренной деревни — сначала работает, снимает жилье, накапливает денег, чтобы купить квартиру, и вся его жизнь зависит от живота, от необходимости зарабатывать, чтобы заплатить за то, за это. Долги, кредиты, страх потерять работу и остаться безо всего — это и есть город для новопоселенца. На селе ты сам создаешь себе труд, и у тебя хозяйство, которое, по большому счету, есть твоя безопасность... Герман учился в городе, окончил сельхозинститут, после которого работал инженером в колхозе. Не стало колхоза, разбежалась деревня. Он молчит, потому что уверен в своей правоте, но глаза видят другое: опухшие руки жены, резиновые галоши на ней в будни и праздники. Однажды он подглядел, как она, сидя перед трюмо, смотрела не в зеркало и вообще никуда, а перед ней на тумбочке пара новеньких белых туфель на каблучке.

Петров работал электриком, обслуживая всю округу, то есть тоже частенько в разъездах, но бывало, и дома сидел по несколько дней. Жена его из тех, кому всяко место хорошо. Она вышивала картины, переводя их из журналов на канву. В остальном все, как в любом деревенском хозяйстве: корова, овечки, куры, ну и, само собой, Шарик с Муськой.

Не стало друга, не стало Сосновки, и какая-то особенно оберегаемая ими часть души Листова ушла в никуда. А было... Утро, тишина, лишь птицы переговариваются, здесь они поют по-другому, не как в городе. Хозяин, засидевшийся над своими текстами за полночь, еще спит, а он тем временем идет во флигелек, который выполняет роль летней кухни и гостевой. В домике места для приема гостей слишком мало. Листов садится перед открытой

дверью и смотрит на кудрявящуюся по склонам зелень, на островерхие пихты, на речку Ворожиху, пробегающую в десяти шагах от калитки. Выбрал же человек место, — завидует он и в то же время радуется, что может приезжать сюда в любое время. Сегодня в планах у Листова соорудить углярку, собрать в нее уголь, сыпанный на задах двора. Вчера он подправлял забор и пилил сосновый горбыль на дрова. Вот сейчас он допьет свой утренний кофе и начнет. Он будет работать с упоением, с осознанием своей полезности, своего долга перед другом, всегда с радостью ожидающего приезда Листова. А еще вместе с работой в нем оживала нотка покровительства близким человеком, кому безразлично, есть дырки в заборе или нет, будет ли угольная куча расползаться по двору или останется в своих изначальных пределах.

— Ты, дружок мой, нездешний, — говорил ему Листов, наблюдая, как тот, отключившись от всего, останавливает взгляд где-то на далекой сопке.

Он оглядывался на Листова, и глаза его светились, будто огонь в них пришел оттуда, из-за той сопки, огонь какой-то потаенный, и вправду нездешний.

Листов проверил, все ли уложил в рюкзак, усмехнулся, вспомнив время, когда эта ноша была за спиной, а ноги отмеряли километры и километры. Сейчас туристическое снаряжение выполняет роль дорожной сумки и место ее в багажнике. «Ты что удумал, старый!? — всплыл вполне уместный вопрос. — Тебе за карасем до ближней лужи выезжать опасно». И еще память тут же услужливо подкинула автоэлектрика, который всю свою жизнь занимался ремонтом «Москвичей» и «Жигулей». Тот сказал как-то:

— Я на машине отечественного автопрома за пределы города ни за что не поеду.

— Ты же сам их ремонтируешь, знаешь от и до.

— Вот поэтому и не поеду. У меня японец пятнадцатилетний, вот на нем — другое дело.

Листов еще раз осмотрел снаряжение, машину, проверил уровень масла, тосола, тормозной жидкости: все в порядке, можно ехать.

— Привет, Федор Михайлович!

Это он Достоевскому с его на удивление сильным и точным определением: покоряющийся возраст.

Отправляясь в дорогу, Листов дал себе слово останавливаться через каждые шестьдесят-семьдесят километров: распрямить спину, размять ноги. Маршрут знаком ему до самой крайней мелочи: небольшой городок в ста двадцати километрах от его дома, затем один райцентр, второй, третий... Их, как нарочно, намерили, эти райцентры, каждый отстоит от другого на пятьдесят с небольшим километров. А там еще один городок, тоже на таком же расстоянии, от него и до места столько же. Всего около четырехсот километров, для человека, отвыкшего ездить за рулем на большие расстояния, путь неблизкий. Впрочем, в самый последний момент он внес изменение в свое дорожное расписание, решил завернуть в райцентр, который поначалу думал объехать, спрямить дорогу. Дело в том, что совсем недавно он узнал, будто в том самом райцентре есть музей, и в нем открыли комнату, посвященную его другу. Тот в свое время много писал про их район, даже книгу издал об одном из хозяйств.

Вот и первый городок, кафе на въезде. Листов вышел, присел, опершись на капот.

— Сто двадцать без остановки, — похвалил себя, разминая ноги.

Чем дальше от большого города, тем проще ему на трассе, уже не прижимают, не обгоняют без надобности, не выходят из себя, видя впереди утлую машинешку по цене пары их колес. Немецкие, французские, корейские, японские машины, что поделаешь, нынче на российских дорогах хозяева иностранцы.

Когда к пролетевшим под его колеса ста двадцати, прибавилось еще столько же, Листов восторжествовал.

— Могу! Могу, получилось! Коняшка моя ненаглядная! — хлопал по капоту. Машина работает ровно, горючее потребляет в отпущенных ей пределах, что еще надо?! — И то сказать, мы же старимся с тобой вместе, а я еще, как видишь, ого-го!

Постепенно степной пейзаж перешел в холмистую местность, а там и горки пошли со скальными выходами, и уже настоящие горы завиднелись. Перед въездом во второй городок Листов почувствовал такую усталость, будто землю кидал полный рабочий

день. Четыре с половиной часа в дороге. Куда ему торопиться, решил переночевать здесь, а уж завтра продолжить путь.

Местная гостиница оказалась забитой до отказа, и Листов, напрягшись, вспомнил здешнего начальника автотранспортного предприятия, с которым его познакомил друг. В Сосновке этот начальник держал небольшую базу отдыха для себя, близких друзей и «чтобы решать вопросы». Листова несколько раз приглашали туда на рюмку с шашлыком. Крепкие все мужики, отмечал тогда он, знакомясь с компанией, по стати, по речам, по рукопожатиям. Ну и гуляли, друг подсказал: как работают. Больше других запомнился хозяин базы — сдержанный, вдумчивый, сказал — отрезал. Присутствующие безоговорочно признавали его первенство среди них.

— В мэры будут выдвигать, — на ухо сообщил Листову друг.

Когда прощались, новый знакомый сказал:

— Обращайся, если что. В любое время.

Время случилось, и Листов отправился на поиски предприятия, отметив про себя, что рабочий день еще не закончился. У самой проходной он столкнулся с одним из участников маленьких и больших праздников на базе отдыха в Сосновке. Оба узнали друг друга и честно признались, что ни имени, ни звания не помнят.

— Что к нам? — поинтересовался отрекомендовавшийся Сергеем. И не дожидаясь ответа: — Надо же, какой случай! Я ведь на минуту заскочил, бумаги забрать. И вот...

Листов поведал о своем деле.

— Аааа, — протянул Сергей, — ты, стало быть, и не знаешь. Умер Саня, уж полгода как. — Помолчал, подумал. — Вот что, давай за моей машиной, ко мне на работу поедем, тут недалеко.

И Листов отправился следом за красной «Нивой». Проехали действительно совсем немного, остановились перед аркой с надписью ДРСУ. Охранник, открывая шлагбаум, откозырял. Стало быть, тоже начальник, сделал вывод Листов, вспоминая, что на тех гулянках, пожалуй, нена начальников и не было.

В укромном уголке территории дорожного управления аккуратный домик, напоминающий крестьянскую избу. Оказалось, что-то вроде ведомственной гостинички для командированных. «Гостеприимный народ!» — отметил про себя Листов, наблюдая,

как в считанные минуты хозяин (а в этом сомнения не было, хозяин) собрал на стол, дал распоряжение вызванной по телефону работнице подготовить комнату для гостя. Стол удивил разнообразием: сало соленое, сало копченое, домашняя колбаса, четверть курицы, которая в целом виде, очевидно, была размером с полугодовалого поросенка, само собой, огурцы-помидоры...

— Круто! — не сдержался Листов.

— Мы живем на задах отечества, так, по крайней мере, хоть в сытости.

— Водка, смотрю, ваша, здешняя, прославленный напиток. Вода у вас какая-то особенная, потому и она, родимая, на душу ложится. Слыхал, французы договор с вашим заводом заключали на поставку, было или сочинил кто?

— Было, все было. Да сплыло. Это уже остатки, мы с мужиками на все деньги, которые могли собрать, закупили продукт, когда узнали: хана заводу.

— Как так, и французы не помогли?

— И французы, — горестно подтвердил Сергей. — Кто ж позволит нам здесь, на краю географии, участвовать в самом доходном бизнесе? И выгодно, и вкусно — нет, ребята, подвиньтесь.

— Как там Сосновка? — поинтересовался Листов, когда уже выпили за встречу и на помин ушедших. А их набралось — половина из тех, с кем познакомился он, бывая у друга. — Теперь, наверно, и не встречаете там праздники?

— А некому, считай, теперь чаще здесь вот собираемся, сидим потихоньку. Иногда едем туда летний сезон открывать, да по-прежнему день рождения Иван Иваныча справляем. Помнишь зама Саниного? Он теперь чистый пенсионер, устроил там пасеку, живет с апреля по ноябрь. Доберешься — привет передавай.

Через открытую дверь Листов увидел, как на крыльцо поднялся черный с желтыми подпалинами лохматый пес самой что ни на есть дворянской породы.

— Миша! — воскликнул он, узнав сторожа с сосновской базы.

— Узнал, — отметил хозяин, — только это сын его, Мишу медведь попортил. Вот ведь какая вышла история: Мишу мишка подрал. Но живой, дотягивает там свои дни рядом с Иван Иванычем.

— А домик? Ну тот, — Листов назвал имя своего друга.

— Домик купил у его сына хозяин базы отдыха, которую открыли пару лет назад, почти сразу после... ну, после всех этих смертей. Устроил там что-то вроде общежития для персонала, они ж на базе службу несут вахтовым методом. Приезжие все.

— Понятно, — протянул Листов, машинально двигая свою стопку по столу. — А Большая Сосновка?

Большая отстоит от Малой на полтора километра, когда-то обе они были одним населенным пунктом.

— Поговаривают, что собираются закрывать ФАП и почту. Если это правда, конец поселку. Деревня, да любой населенный пункт жив, куда есть ФАП, почта и школа, без одного, другого, третьего — все, можешь петь отходную.

— Вот же промысел, ну, почему так невесело все? — Листов пристукнул стопкой, расплескав содержимое. — Вот скажи мне, пожалуйста, почему?

— Да что ж я тебе скажу, дорогой ты мой! А то сам не знаешь? — Хозяин аккуратно накрыл бумажной салфеткой лужицу на столе. — Я вот забываюсь, когда домой прихожу, у меня там все — и покой, и внуки по выходным, и отсутствие хитрых, голодных, добрых и злых.

— Правильно, все радости жизни огорожены забором, этого они и добиваются.

— Кто? Ну, скажи на милость, кто эти — они? Если, как ты говоришь, только за забором мне хорошо, то весь остальной мир и есть эти они?

— Выходит так, и ты сам это только что установил.

— А! Будь оно все!

Хозяин не договорил, лишь как-то по-особенному взмахнул рукой, будто отгонял от себя нечто.

А Листов вдруг вспомнил поездку в горы, когда Александр позвал его с собой. Весь коллектив сосновских дачников — а по-другому, городских управленцев — погрузился в автобус и отправился в путь, к горам. Там, где нормальная дорога закончилась, они пересели на тракторную тележку, туда же поместили коробки с едой, напитками, палатками. Трактор «Беларусь» тянул телегу в гору по размазанной лесовозной колее добрых полтора

часа. И вот оно, заповедное место. Большая поляна, окруженная кедрами, стол, скамейки, костровище. Все пригодное для стана, только ощущение, что здесь давно никого не было.

— А кроме вас, это место кто-нибудь знает? — поинтересовался Листов.

— Люди все знают и везде бывают, — пожал плечами Александр. Вечером пили водку, разливая из пластиковых бутылок. Ту самую.

— Директорский взнос, — пояснили Листову происхождение необычной тары.

Потом пели песни, в основном те, которые еще знают пятидесятилетние. А утром отправились за добычей — копать золотой и красный корень, собирать кедровые шишки. Помнится ему, Александр тогда придержал за руку его, старательно вытягивающего из цепкого скального грунта мощный хвост красного корня.

— Мы раньше сюда каждый год приезжали, сейчас все реже. Скалы здесь какие-то необыкновенные, каждая напоминает фигуру человека. Приглядишься. Или вот это озеро. Может, у него есть какое-то другое название, а мы зовем его Потайнухой. Попробуй кто чужой отыщи...

Когда-то давно Листов внушил себе: если он хотя бы раз не побывает летом в горах, зимой обязательно будет болеть. Очевидно, однажды так и произошло, а уж впоследствии стало маленькой личной легендой. Ничего нового, человеку необходимо хотя бы иногда видеть вечное — лес, реку, горы. И совсем не для того, чтобы ощутить свою малость. Чтобы вобрать в себя величие окружающего мира. А еще — чтобы воскликнуть однажды в восторге: я побывал в этом лучшем из миров! Мне единожды явилось волшебство! И эта мысль примиряет с осознанием краткости человеческого присутствия, с тем, что короткий твой миг улетает за высокие горы, тает во мраке лесной чащи, уносится вслед за водами быстрой реки.

Сидели недолго, даже бутылку не допили. Хозяин предупредил, что с утра пораньше уедет в край, потому провожать Листова не придет.

— Привет Сосновке, поклон Иван Иванычу, — сказал на прощанье.

Утро выдалось прозрачным, солнечным. На календаре еще вовсю лето, а на березах уже появились редкие желтые пробоины. Листов отметил это с грустью, думая, что у приближающейся осени есть много всяких примет и помимо желтеющей листвы. Это сибирское лето вторгается в жизнь вдруг, мощно и почти без подготовки. «Но лето же еще, лето! — уговаривал сам себя Листов. — Вон какая теплынь!»

Ему захотелось продлить дорогу, и он решил сначала захватить в райцентр, а уж потом отправиться в Сосновку. Как конец лета — это преддверие осени, так и здешние покатые поля, холмы, редкие скальные выходы — преддверие недалеких гор. И все-таки возвышенности, овраги, холмы и камни не мешают общей картине бескрайнего русского величия, от которого дух захватывает у своих, коренных, что уж говорить о приезжих. Поля с житной зеленью перебивают посеvy гречихи, рапса, люцерны, подсолнечника. Белое, желтое, розовое...

— Он много писал про нас, мы дружили, — сказала о приятеле Листова усталого вида музейная работница. — Пойдемте, покажу его комнату.

И вправду — его комната. По стенам фотографии, сделанные им в разное время. Здесь и путешествие по зимнему Тигиреку, и экспедиция на горы Ревнюха, Разрабочая, и рыбалка на Колыванском озере. Фотографии отменные, только оформлены они слишком уж убого: паспарту из мягкой желтоватой бумаги — вот и все оформление. Пишущая машинка на стеллаже под стеклом, несколько авторучек, пепельница — курильщик был заядлый, — диктофон. Музейщица указала на него:

— Там пленка наполовину скручена, батарейку меняли, все равно не работает. Интересно ведь, его голос живой.

Голос самой женщины дрогнул, и Листов подумал, что приятель его вполне мог быть ей не только другом.

— А знаете, я с вашего позволения заберу диктофон с собой, есть специалисты, разберутся. А все эти фотографии, — он провел взглядом по стенам, — у меня хранятся в электронном виде. Я их заново распечатаю и оформлю, чтобы они выглядели

как на выставке, на фотовернисаже. И у меня будет повод приехать сюда еще.

На том и порешили, а Листов поехал искать столовую — проголодался.

Дорога перешла в сплошную щебенку, зато навстречу ему из сизой дымки выплыли горы. Их величественный вид на какое-то мгновение сбил дыхание. Он остановил машину, вышел, чтобы внимательнее взглянуть в этот волшебный переход от ровных пестро раскрашенных полей к холмам с зелеными пятнами перелесков и к горам, уходящим цепью далеко за оком. Вспомнил, как впервые привез свою тещу из Кузбасса. Первым делом отправились в сад, чтобы на вольном воздухе отметить ее приезд. А сады в ту пору утопали в яблонево и вишнево цвету, все вокруг цвело и благоухало. Теща поднялась на второй этаж, оглядела пространство с балкона и... Он никогда не видел ее такой изумленной, потрясенной.

— Это же рай! — только и молвила она.

На взгляд Листова, райское место там, где островерхие пихты карабкаются вверх по склонам, где говорливые речки несут прозрачную воду с ледников, где озера прячутся в каменных чашах, где все не так, как на равнине... Он обещал свозить тещу сюда, не успел.

«Как же здорово так вот ехать, ехать, ехать, — думал Листов, задержав взгляд на петляющей между холмами речушке, — останавливаться в случайных местах, ночевать в маленьких гостиницах и смотреть, смотреть, смотреть. Ибо этот мир никогда до конца не рассмотришь, не разглядишь. И встретить свой последний час в дороге, подальше от дома, чтобы прошлая привычная жизнь никак не была связана с его последним переходом».

Проезжая знакомые деревни, он отмечал, что дороги лучше не стали, но поля не заброшены, техника на машинных дворах имеется, кое-где стоят даже новые жатки, комбайны. Сергей поведал, что хозяин теперь здесь некий Сурен, понятно, человек с Кавказа, разворотливый, успешный.

— Ну да, своих не нашлось, — поймал Сергей вопрос в глазах Листова.

Вот и Большая Сосновка. Листов медленно едет по улице, глядя в усадьбы, куда водил его знакомиться с местными жителями друг, которого везде встречали как родного. Поначалу собрался было завернуть во двор к заядлому рыбаку и балагуру Степану, однако, увидев запущенный, заросший палисадник, передумал. Раньше там был идеальный порядок, и цвели какие-то заморские цветы. Жена Степана выписывала семена со всего света. Несколько лет назад она заболела, и сил ей доставало только на цветы, от них она не могла отказаться. А все хозяйство легло на Степана. «Наверно, умерла», — подумал Листов.

Вот новость — мостика через Ворожиху не стало, остатки его в виде нескольких бревен торчали по обоим берегам. Он вспомнил, что дорога за деревней расходится надвое, может, та, вторая, ведет к новому мосту или броду. У развилки ему преградил путь большой трехосный ЗИЛ.

— Привет, тезка! — окликнул выглянувшего из машины Листова местный охотник-промысловик. — Видишь, я тебя сразу узнал — глаз охотника. Потянуло к знакомым местам? Дел-то у нас тут никаких быть не может. Или в гости к кому?

— Нет, просто, — Листов усмехнулся, — потянуло.

— Да-а, времени прошло... Пять, шесть лет? Другана твоего здесь многие добром поминают, стало быть, и ты гость желанный. — Он достал из пачки «Беломора» папиросу, прикурил. — А знаешь что, коль тебе все одно куда, поехали со мной в тайгу. Мне с напарником веселей, тебе — какое ни то разнообразие. Машину у Петровых оставишь, мне к ним так и так надо, почту завезти. Сапоги есть? — Листов кивнул. — Вот и ладненько, остальное все за мной.

— А поехали! — Листов по-гулевому махнул рукой. — Хоть мамка и наказывала: не связывайся с лешими.

— Сам ты леший, я лесник, промысловик. Давай за мной, там брод воробью по колено.

Петров, очевидно, издали увидел грузовик, вышел навстречу, а заметив Листова, бросился к нему с объятями.

— Дрын поперек! — любимая поговорка электрика никуда не ушла. — Уж и не чаял увидеться. Тут вот, днями, годину справляли по другу нашему, помнят все.

Узнав, что Листов сей же час отправляется с охотником в тайгу, опечалился, детская обида легла на лицо.

— Как же так, не по-человечески совсем, дрын поперек. У тебя, поди, — это охотнику, — и поесть-то нечего толком, привыкли там с медведем напару лапу сосать.

Листов успокоил электрика, что на обратном пути и наговорятся и выпьют.

— Машина в залог, — помахал уже из кабины.

Дорога вилась вслед за речкой Ворожихой, да и дорогой-то не была, так, таежная тропа, впрочем, широкая, мощному грузовику хватало. «Тайга называется, — думал Листов, — а кругом заросли чапыжника, ветляка, каких-то неизвестного рода и названия кустов и трав в два человеческих роста».

— Я уж забыл, как они выглядят, а когда-то полстраны такие курили, — указал он на пачку «Беломора», — сейчас все сигареты со смертными приговорами на обложке.

— Контрабанда, — пыхнул папиросиной охотник, — из Казахстана. Тут же рукой подать. А еще водяру оттуда прут вагонами, дешевле нашей в два раза. Пробовал, не отравился.

Но вот пейзаж очистился, дорогу обступили лиственницы вперемешку с елями. Остановились на большой поляне.

— Ну что, покормим мишек?

С этими словами таежник забрался в кузов и начал спускать на землю фляги. Только тут Листов обратил внимание, что такие же фляги разбросаны по всей поляне. Приглядевшись, он понял, что они прикованы к деревьям тросами.

— Помоги.

Листов наклонился, чтобы ухватить флягу, и тут такой вонью обдало его, что он отшатнулся.

— О, самый смак для косолапого. Вишь, рассердился, мало. — Он поставил на дно перевернутую помятую флягу. — Сожрет тухлятину, и давай железо мять — не напасешься.

— Опасный промысел, — покачал головой Листов.

— Ясно дело, не на зайчиков охота. Вот, посмотри. — Охотник подвел Листова к сосне и показал царапины на коре. — Тут метра два с половиной будет от земли — вот такой дядюшка заходил.

— А смысл? Мясо, говорят, заразное, шкура — грязь разводиться...

— Не скажи! Грамотно выделанная шкура еще каким спросом пользуется. Да и мясо. Отвез в лабораторию на пробу — и пользуй, если все в порядке. Считай, два телка диетической пищи. Но самое ценное — это медвежья желчь, вот на что спрос выше крыши! Считается чудодейственным средством от многих болезней. И стоит денег — рот не выговорит. Однако тут своя сложность. Когда мишку возьмешь, она начинает таять на глазах, раз, два — и испарилась, такое вот свойство. Поэтому успевать надо вовремя, добыть ее из нутра.

— А нападет, подкараулит?

— Чего бы он просто так нападал? Если только из капкана вырвется, но тут опять же, какой капкан. У меня самодельные, не забалуешь, вот.

С этими словами он достал из кузова массивное сооружение с мощной пружиной.

— У меня такие на задке в «Жигулях» стоят, — заметил Листов.

— Так это от «Жигулей» и есть, — весело отозвался охотник. — Сегодня мы их ставить не будем, только подкормим мишку, подманим.

— Жаль, — посетовал Листов, — у меня другого раза не будет.

— Так ты оставайся, поживи пару недель, отдохни, осмотришься. У нас житье недорогое, не как у вас в городе.

Дальше дорога шла вдоль речек, узеньких, ручейков почти, но быстрых, говорливых. Охотник выкликал названия их, то одно, то другое, запомнить приезшему в одночасье не под силу.

Вот и до места добрались. На полянке избушка, обычный охотничий домик, каких на своем веку Листов повидал немало: два окошка на восток и на север, дверь по грудь взрослому мужчине, труба над тесовой крышей. Перед избушкой костровище, обложенное камнями, рядом стол и скамьи, тесанные топором из горбыля..

— Ты сходи за водой, — охотник махнул в сторону журчащей неподалеку речушки, — а я очагом займусь.

Листов не торопясь двинулся к речке. Наглядеться, вобрать в себя побольше всего, что его сейчас окружает, чтобы хватило на подольше. Немало уже похожих на это мест повидал он в предгорьях Алтая. Чистая поляна с речушкой обочь окружена кольцом из зарослей акации, чапыжника, бузины и других кустов, названия которых он не знает. А дальше тем же кольцом — каменные россыпи, сплошь увитые можжевельником, склоны подступающих пока еще невысоких гор в пихтах, елях, березах, постепенно уступающих место хвойным...

— Шаманское место, — некоторое время спустя обозначил округу охотник и пояснил. — Издавна считались такие чаши в окружении гор местом силы, местом схода духов, к которым шаман и обращает свои камлания. Беседует с ними, советуется, просьбы людей передает.

Обедали тушенкой с картошкой, в дополнение — сало, лук, огурцы.

— Тут же кругом охотничьи угодья, — продолжал рассказ охотник. — Вон там, — он протянул руку над головой Листова, — Брагин луг, избушка уже догнила, пятнадцать лет как нет хозяина. Повыше избушка дядьки Лёхи Ананьева, километра два с половиной отсюда. Тоже нет никого, уже при мне все там травой зарастать стало. Некому охотничать. Участок — это ж не только место, где зверя бить тебе можно, там надо за порядком следить, заломы разбирать, лес чистить. Да кому теперь? В нашей Сосновке на моей памяти семьсот дворов было, а сейчас... Официально зарегистрировано три ружья, на самом деле пятьдесят с лишним стволов. Это только что я знаю. А на что употребляют? Самострелы пошли по деревне. Из-за баб, представь себе. А там бабы — название одно. Вот так и живем: молодые пьют — мозгов нет, старые — жизни нет.

Потемну уже пошли в избушку устраиваться на ночлег. Листову достался топчан, по размеру вполне подходящий, но какой-то комковатый, неловкий. Он лежал без сна и думал, что вряд заснуть удастся. Между тем, охотник продолжал неспешно.

— Я с восемнадцати лет официально охотник-промысловик, а взял только восемьдесят четыре соболя, получается, всего по два кота в год. Но одно знаю, семья моя без мяса не останется.

А так, — он вздохнул, тяжело повернувшись на своем лежаке, — никакого завтра у нас нет. Сын матери заявляет: «Я, — говорит, — как отец жить не буду». — «А как?» — «Посмотрим». Вот они и смотрят. А перед глазами поваленный забор, и поправить его рука не поднимается.

Затих. И снаружи ни звука, ни отблеска. Все утонуло в густых чернилах ночи. Листов не звал сон, не торопил его, лежал и думал, как по-разному живут люди. На память пришел один из посетителей винной лавочки по прозвищу «Привет от питерской интеллигенции». Впрочем, никакое это не прозвище, просто этими словами произносивший их встречал своих знакомых, завсегдатаев. Всегда притом поднимался со своего места и протягивал руку. Рука его была настолько изуродована артритом, что суставные шишки переросли в сплошную опухоль. На вид ему еще не было пятидесяти, и подобный недуг как-то не вязался с возрастом. Он работал начальником отдела кадров в юридическом институте, носил звание подполковника, но никто его в форме ни разу не видел. Понятно, место сие не для погон. Листов знал, что в Питере живет его сын, и однажды подполковник навещал его там. С той поры что-то перевернулось в нем, он неустанно говорил о городе на Неве и вот сейчас был полон ожидания сына, обещавшего приехать к концу осени. Причислять себя к питерской интеллигенции на основании всего одной поездки — верх несуразности, но что поделаешь, перед Листовым явился яркий представитель отряда романтиков, раненных в сердце далеким краем. А тут еще Листов обмолвился как-то, что он дитя блокадников, коренных ленинградцев, вывезенных сюда после прорыва блокады. И подполковник, ища поддержки в разговоре у Листова или обращаясь к нему, стал говорить «у нас, у питерской интеллигенции». Он был хорошо образован, речист, предупредителен и совсем не походил на служаку. Мягкий такой, обходительный. Хотел бы Листов заболеть вот так же каким-то известным ему местом или пускай — неизвестным? Он подумал, перебрал в памяти места, где был счастлив, и не нашел, на каком из них остановиться. Калейдоскопная россыпь городов, поселений и картин природы постепенно начала тускнеть, подергиваться туманом, и Листова накрыл нежданный сон.

Утром позавтракали сваренными вкрутую яйцами, травяным чаем с медом — и в путь. Несколько остановок на таежной дороге. Охотник пилил «Дружкой» поваленные сосны на чурки, вместе они закатывали их в кузов машины. Деревья были в обхват, некоторые и толще, передвигать их оказалось делом нелегким, но странное дело, Листов ощутил в себе какую-то вторую силу, поднявшуюся из давно забытых глубин, точно легкие его стали вдвое больше объемом, точно мышцы кто-то накачал новой энергией. Охотник удовлетворенно покряхтывал, глядя на него, но не забывал ругаться, если тот делал что-то не так.

— Тайга делает из вас, неучей, полезных людей! А что, вот походишь со мной с полгодика, — он будто бы продолжал прерванный разговор, — силенок поднакопишь, жизнь продлишь. Тебе сколько?

Листов ответил.

— Хм, — недоверчиво мотнул головой охотник и честно заключил: — Многовато.

В довершение всех работ закинули в кузов с десятков лесин-тонкомерок.

— Для прожилин на забор, будь он неладен, — пояснил охотник, — надо ж когда-то его поправлять. Еще той осенью за свиньями не углядели — они и рванули через огород, повалили все к чертям.

Назад ехали, отсчитывая версты и перечисляя названия холмов, впадин и речек в обратном порядке. То есть перечислял, понятное дело, охотник, Листов и не пытался запоминать, знал: не запомнит.

Высаживая Листова возле дома Петровых, охотник зажал в губах беломорину и сообщил выбежавшему навстречу электрику:

— А твой гость ничего, жила в нем есть. — И Листову: — Приезжай, он, — кивнул на Петрова, — покажет мой дом. А про года приврал, скажи честно? Я же не инспектор по труду.

И расхохотался, газанув на прощанье.

Петров звал посмотреть его хозяйство, оставлял на обед, но Листов, согласившись только на чай, заторопился уезжать. Вроде и спешить некуда, но что-то непонятное гнало его, подталкивало в спину. А следующую остановку или пункт назначения

он определил себе заранее. Тем более спешить некуда, потому как пункт этот находится всего в километре от дома Петровых. Почему пункт назначения? А дальше дороги уже нет никакой. Никуда. Назначай — не назначай.

10

Вот оно, Голубое озеро, краса здешних мест, да только ли здешних. Круглая, наполненная голубовато-зеленой водой чаша вписана, встроена в скалы, и лишь в одном месте спуск к озеру спокоен. Сюда и подъехал Листов, остановив машину у самой кромки воды. Листов знал, в озере никакой живности, даже водорослей нет, вода перенасыщена медным купоросом. Потому и цвет у воды такой. Озеро образовалось на месте бывшей выработки, здесь лет семьдесят назад добывали медную руду.

Листов не хотел воспоминаний, гнал их от себя, но то ж не кошка — прогнать, отмахнувшись. Здесь, на этом самом месте сделал он предложение своей, как он решил для себя, последней жене. Сумасшествие, умопомрачение, будь она неладна, красота озера неземная — что еще в этом схождении обстоятельств и чувств заставило его совершить этот поступок, который и опрометчивым-то назвать язык не повернется. Как есть — потеря разума! Тридцать лет разница в возрасте, ну, не идиот ли?! И ведь перед той поездкой сюда, к другу, не собирался ничего такого предпринимать, мысли даже не было. Ну, повстречались, ну, прожили полгода под одной крышей. Ладили, чего уж там. Но жениться — ни боже мой! Ах, Голубое озеро!.. Недавно он, перебирая бумаги, наткнулся на старый пригласительный билет: благотворительный бал по случаю Дня поэзии. Надо же, и такое когда-то могло быть реальностью! Они сидели за столиком с молодой парой, он — доктор, она — поэт, пили веселое вино и в какой-то момент решили передать друг другу свои приглашения с памятной надписью. На своем билете жена (да, уже жена!) написала ему: «Я люблю тебя так, как никто никого никогда не полюбит. И это будет со мной до конца моих дней».

— Боже мой! — воскликнул Листов, не боясь быть услышанным, ведь здесь он ни разу никого не встречал. И продолжил уже про себя: «До конца дней еще ой как далеко, а уж сколько лет минуло со дня, когда крохи той любви не осталось».

Лето уже давно перешло на вторую половину, однако жара не спадала, к тому же ему не терпелось смыть с себя рабочий пот после трудов таежных. Надо ж, подивился в очередной раз, совсем не чувствуется усталость, будто не из тайги недавно вышел, а поднялся из уютной постели в прохладных простынях. Потрогал бицепсы — впечатление, будто месяц ходил в тренажерку.

— Сила! Силушка моя! — закричал, окунаясь с разбега в зеленовато-голубую гладь озера.

Нырнул голышом, кого стесняться? Тогда со своей будущей женой они тоже купались нагими. Он доплыл до противоположного берега, ощущая все тот же необъяснимый прилив силы. Озеро здесь упиралось в отвесную скалу, и перевести дыхание можно было уцепившись за острый край ее выступа. Листов перевернулся на спину и увидел надвигающуюся черную тучу. То-то так парило в последние часы! «Пожалуй, надо собираться, — подумал он, — если ударит ливень, через поднявшуюся Ворожиху не переехать». Сделал несколько взмахов и увидел у самой кромки противоположного берега девушку. Она появилась внезапно, будто в момент выплавилась из жары и марева над близкими сопками. Подплыв ближе, Листов разглядел светлые волосы, свободно падающие на плечи, неопределенного цвета футболку, шорты из джинсовой ткани. Таких девчонок нынче много на городских улицах. Она подошла к горке его одежды, поставила рядом свой рюкзачок и начала стягивать с себя футболку, под которой, как выяснилось, ничего больше не было.

— А вы не могли бы отвернуться, пока я выхожу и одеваюсь? — крикнул он, едва коснувшись ногами дна.

Вместо ответа она расстегнула шорты, обнаружив трусики — ладошкой больше прикроешь. И в это мгновение свет белый растворился в струях воды. Дождь не хлынул, он обрушился разом, без подготовки. Девушка тут же плюхнулась в озеро, а Листов подумал, что выходить из воды в такую же воду не имеет смысла. Оттолкнувшись от дна, он поплыл на глубину и тут же

понял, что захлебывается. Небесные струи с силой ударили о поверхность озера, фонтанчиками поднимая его воду и сливаясь с той, небесной. Листов поднял повыше голову, чтобы ловить воздух, минуя хотя бы одну водную стихию. Посмотрел в сторону девушки, та кувыркалась в водных струях, как юный дельфин и... хохотала. «Так не тонут», — сделал вывод Листов, как и прежде, хватая ртом воздух пополам с водой. Листов нарезал беспорядочные круги, то приближаясь к берегу, то отдаляясь от него. В какой-то момент он понял, что показавшаяся сначала опасной игра с природой стала ему нравиться. Только подумал об этом — и вдруг столкнулся с девушкой, чье смеющееся лицо закрыло собой все обозримое пространство. Она обхватила рукой его за шею и на мгновение тронула губами его губы. Поцелуй? Листов, опомнись! Разумеется, случайность, в этой водной вакханалии ничего толком не разобрать. И все-таки... А девушка отпечатав на Листове дерзкое прикосновение и взгляд синих-синих — такой синевы даже небу никогда не набраться — глаз, тут же отплыла, продолжая нырять и кувыркаться в водяной круговерти.

Тем временем ливень начал понемногу стихать, но Листову сейчас меньше всего хотелось выходить из воды. Он вдруг почувствовал необыкновенную силу притяжения к этой вышедшей из летнего зноя незнакомке. Сейчас, сейчас он сам подплывет к ней и... А та, словно морское животное, улавливающее тайные позывы сородича, резко повернула к нему и, доплыв в несколько взмахов, обхватила руками его шею. Она смотрела на него в упор и смеялась, смеялась, смеялась. И он, сомкнув руки на ее спине, повлек девушку за собой. Одна мысль маленькой рыбкой плескалась в сознании: почему мы не тонем, почему держимся на воде, не прилагая никаких усилий, чтобы оставаться на поверхности? А ответом ему было ощущение, будто весь он наполнен чем-то невесомым, не воздухом даже, а тем, что легче воздуха. И больше никаких мыслей. Никакого рассудка. Никакого понимания себя и происходящего. Они вышли на берег, обнявшись, и Листов при этом не обращал никакого внимания на свою наготу, не думал о ней, потому что, как уже было сказано, не думал ни о чем вовсе. Не видел внезапно открывшегося чистого неба, мокрым комком лежащей одежды, не чувствовал влажной

прохлады травяного ложа, не понимал, что соединившиеся два тела есть чужие, случайные встречные, старик и девушка. Никто не отпустил ему времени подумать, опомниться, вздрогнуть...

И вот понимание происшедшего пришло, но Листов теперь уже осознанно гнал от себя мысли, беспорядочно путающиеся в его седой голове. Седая голова — первое, что всплыло на поверхность из этой путаницы. Говорить? А что тут скажешь? И она молчала, зябко обхватив себя руками. Он открыл багажник. Для него нашелся полный комплект одежды, даже кроссовки запасные, а вот ей подойдет только футболка. Впрочем, по длине — почти платье.

— Ты как здесь очутилась? — спросил первое, что пришло в голову.

— Я от дяди Вани пошла за вашей машиной. Увидела — сразу узнала, машина все та же, я запомнила.

— От дяди Вани, — повторил Листов. — Это Иван Иванович, пасечник?

— Ну да, это мой дядя, только он не пасечник, он был заместителем у Сан Саныча, потом главным механиком здесь, в ГРП, геолого-разведывательной партии. Партия уехала, а он остался, пенсия подошла. И с места этого ему уезжать не хотелось. Остался смотрителем при базе отдыха, завел пчел.

Она выпалила все это, торопясь, словно оправдываясь. А он вспомнил Ивана Ивановича, рослого, солидного, степенного, вспомнил, как он накрывал на стол, утихомиривал разошедшихся до драки спорщиков, разносил по кроватям напившихся начальников, охапкой, по двое.

— Тебя как зовут? — опомнился Листов.

— Надя, Надежда.

«Как несовременно среди множества Дарин, Паулин, Вероник, — подумал Листов. — Несовременно и красиво...»

Вода в Ворожихе поднялась после ливня, нечего было и думать о переправе, надо переждать. Да и без того после всего случившегося Листов не был уверен в своей готовности собраться разом и уехать. Хотя внутри него кто-то маленький и въедливый кричал во всю мощь: «Беги, дурачок, беги немедленно! Беги от беды!» Он давно научился вставать перед проблемой выбора,

поскольку его ровно протекающая жизнь пенсионера-одиночки не предлагала никаких противоречий, никакого разлома в сознании, в понимании происходящего. Жил себе и жил.

— Поехали к дяде Ване, — неожиданно предложила девушка, — он ждет нас к обеду.

— Не понял. — Листов в изумлении уставился на нее.

— Я же сказала ему, что увидела вас, то есть вашу машину, знаю, куда вы поехали. Да и куда ж здесь и ехать-то? Я побежала, а он мне вдогонку: зови к обеду!

Листов смотрел на нее во все глаза и силился понять, что же это за явление перед ним, зачем, почему? И вообще — как все это могло произойти? Прикинул: на вид ей лет двадцать пять, чуть больше или меньше, особой красотой не отличается, ничего приметного, разве что глаза густой синевы. Памирский лазурит, вспомнил он коллекцию камней знакомого геолога, вот этот цвет. Листов толком не понимал, чего он ищет сейчас в этих глазах — робости, смущения, настороженности, сожаления? Нет, ничего похожего, скорее — озорство, легкая насмешка и беззастенчивость молодости. Молодость! Для него, пожалуй, детство! Вот же случилось, опять эта ловушка, этот капкан юности, в который так легко попадает всякий, кто не готов смириться со своим безвозвратно ушедшим временем. Как бы там ни было, в данную минуту, определяя положение Листова, можно с уверенностью сказать, что он потерялся. В этой ситуации ему ничего не оставалось, кроме как следовать предложению девушки.

Иван Иваныч сидел под навесом летней кухни, тяжело опершись на стол, покрытый затертой клеенкой. Завидев гостя, он встал, протянул руку, выдохнул:

— Давненько.

Что-то медвежье сквозило во всем его облике — в тяжелой руке, в осадистой фигуре, мощной шее, неторопливых движениях, будто предостерегающих близко подошедших к нему: вот двинет плечом — и сгустившийся перед ним воздух опрокинет вас. Листов вдруг почувствовал неловкость: он как здесь, под каким видом-званием? Случившийся вдруг любовник юной племянницы этого большого человека, принявшего отшельничество?

— Поеду, — вымолвил Иван Иванович в пространство, поднимаясь по ступенькам в вагончик, служивший ему жильем еще в те времена, когда Листов объявился здесь впервые. — Пару дней меня не будет, — продолжил на выходе с дорожной сумкой в руках, — хозяйствуй здесь.

Обращался он, понятное дело, к племяннице, Листова оставил без внимания, если не считать одного-единственного слова при встрече. Подошел к машине — фермерский вариант «буханки» или «таблетки», как их называют в народе, — открыл дверцу, оглянулся, будто ожидая чего-то, и отбыл. Ему-то что, подумал Листов, на этом вездеходе любая вода нипочем. Захотелось вдруг уехать немедленно, исчезнуть, раствориться в зарослях акации, окружающей подворье. Тотчас пришла в голову мысль, что Иван Иванович отгадал наперед это его вспыхнувшее вдруг желание, и своим долгим прощальным взглядом он приглашал Листова с собой. Машина? Да ляд бы с ней, с машиной, забрал бы как-нибудь потом. Что за чушь лезет в голову! Что за морок все, что произошло, происходит и длится, длится, длится...

Обедали здесь же, под навесом. Девушка поставила перед ним большую миску с наваристыми щами. Нажористые — так бы отнесся к блюду армейский ротный старшина: мяса много и густота — ложка стоит. Такие супы, как правило, варят мужчины.

— Это я варила, — сбила его с мысли хозяйка. — Дядя Ваня ругается, а они везут и везут мясо из города, два холодильника забиты до отказа.

Они — это, конечно, городские начальники, отдыхающие здесь. О них спросить, что ли? Надо же о чем-то говорить, ну что за мука такая!

— А Сан Саныч умер, — высказался невпопад.

— Знаю, — сказала она. — И ваш друг, к которому вы сюда приезжали, знаю, тоже умер. Я была на похоронах, только вы меня не заметили, не узнали. А может, и не вспомнили, в те разы вам здесь не до меня было. А я все про вас знаю, ну, почти все.

Листов не донес ложку до рта, опустил ее в миску и внимательно посмотрел на девушку.

— Это ты?

— Да.

И в этом односложном ответе вскрылась вся гамма чувств и воспоминаний, как будто она вошла в его мысли, разводя, расталкивая туман времен, за которым укрылась бегавшая неподалеку от взрослых девочка-подросток, златоволосая, синеглазая. Кто бы тогда обращал на нее внимание, взрослые, как всегда были заняты собой, своими невинными проказами и греховными любовями. А он вдобавок определил сам себя на роль жениха.

— Это было в какой-то другой жизни, — протянул он задумчиво, — даже место это, неповторимое, памятное место, не может приблизить время, сократить расстояние.

— Это было вчера, — дернула она плечом, не соглашаясь. — Я еще не успела повзрослеть, я еще не успела вступить в какую-нибудь новую жизнь. Я вся там, в этом замечательном и несчастном вчера.

Листов вопросительно взглянул на нее.

— Да-да, именно так! Замечательном и несчастном!

Он вышел из-за стола, едва не наступив на дремавшего старого пса, который на удивление пережил все собачьи пределы возраста. Его, помнится, все звали Мишей, хотя от рождения он получил совсем другую кличку. Новая приросла после того, как его в тайге потрепал медведь, и уж тогда-то точно никто не верил, что он выживет. Вот так, боевое крещение в схватке с мишей-медведем подарило собаке новое имя. Миша — сибирская лайка, черная с белыми подпалинами и седой мордой — проводил Листова слезящимися глазами, а тот кинулся к воротам и, не найдя надобности в этом движении, вернулся назад, сел спиной к столу.

— Я не знала, я до сих пор не знаю, какие чувства тогда сводили меня с ума. Ревность? Какие основания ревновать человека, который тебе едва знаком, намного старше тебя, влюблен в другую, и эта другая сейчас рядом с ним? И тем не менее. Я же умудрилась влюбиться в вас, я позволила себе влюбиться, да и кто у кого спрашивает для этого позволения? Зависть? Вот это вне всякого сомнения! Она же не намного старше меня, стало быть, я имею почти столько же прав. И я видела, не знаю, видели ли вы, что она лишь позволяла вам глядеть на себя в то время, когда вы буквально поедали ее глазами. И оттого рождалось еще одно чувство — обида. Обида за вас, такого чуткого, умного, веселого, такого...

Она запнулась в поисках очередного эпитета, и тут выступил он, спросил, не найдя ничего лучшего, стараясь придать вопросу шутливый оттенок:

— И как это ты все разом разглядела во мне?

— Не знаю! — с вызовом ответила она. — Честное слово, не знаю. Может, я нарисовала вас задолго до нашего знакомства. А потом... Видели, наверно, в кино, как на южных пляжах фотографируются, вставив свое лицо в вырезанную из фанеры фигуру. Хочешь — будешь атлетом, хочешь — моделью или Кинг-Конгом.

В усмешке ее сквозила горечь. А он мучительно трудно ворочал в своей голове слова и мысли, подбирая подходящие к тому, что происходит здесь и сейчас.

— А знаете что, давайте-ка я истоплю баню. Она здесь ладная, горячая, да вам ли не знать. Тогда тоже топили баню, все были заняты выпивкой, а вы пошли париться. Она с вами не пошла, сидела в домике с книжкой. Помню, у меня возникло бешеное желание ворваться к вам туда, ошпарить горячей водой, захлестать веником, наконец, отдаться прямо там, на горячем полке...

— И сидеть бы мне в лагере за совращение малолетней по сей день, — мрачно отшутился Листов, по-прежнему не находя себе места в происходящем.

11

И была ночь. И они снова были близки. И он забыл про возраст, утопая в ее шелковистых, пахнущих березовыми листьями волосах, в ее свежем, молодом дыхании, в словах, в которые он не вслушивался, но слушал с упоением.

И пришло утро. А с ним освобождение от тяжелых мыслей, от вопросов, толкущихся беспорядочной чередой, донимающих тем, что ответить на них нет никакой возможности. И еще — забытое ощущение утренней свежести, бодрости во всем теле. Проснувшиеся в тайге сила и упругость мышц никуда не ушли, напротив, они как будто получили новую жизнь, новую постоянную прописку в его теле. И появилась ясность, и мысли выстроились в стройный ряд. И первая — жизнь не знает отсрочки.

Рядом в постели теплое, живое, ласковое... В какой далекой дали затерялось это ощущение близкого тепла, из какого эфира соткано это явление, слетевшее из небесного океана в земное озеро? Надо было остаться там, утонуть в сумасшедшем слиянии небесной воды и земной, это было бы логично, это было бы правильно. А что теперь?

Неожиданно выплыл из памяти последний разговор, свидетелем которого было все то же Голубое озеро. Говорила она, говорила после всех его слов — удерживающих, обвиняющих, несдержанно горячих...

— Я тебе за все, за все благодарна. Ты во многом прав. Я неправильный человек, не соответствую твоим моральным нормам. Я говорю это без издевки. В следующей жизни постараюсь исправиться. Учту все, что ты говоришь. Тебе сейчас просто необходимо видеть во мне плохое, унижать меня. Остальные мои мысли, которых, конечно, тоже хватило бы ни на один долгий разговор, оставлю при себе. Если я буду тебя изобличать в гадостях, мне не станет легче. Я постараюсь сохранить о тебе только хорошее, его было много. Я ни о чем не жалею, я была счастлива с тобой. До последнего, не знаю какого, времени. И я тебе никогда не скажу, что я тебя ненавижу... А дело-то все в том, что любовь кончилась. Я долго не могла в это поверить, копалась в себе, но ты, слава богу, поставил в этом деле точку. И за это тебе спасибо. Прости меня. Я больше не буду тебя видеть.

Поставил точку. Листов, хоть убей, не может вспомнить, что же такое он сделал, совершил, сотворил, чтобы она могла посчитать это финалом, точкой. Да какая, собственно, разница, если любовь кончилась. Кончилась на самом деле или нет — важно, что кончилась для нее именно в тот момент, именно на берегу этого озера, где началась их недолгая семья.

— Кофе готов! — позвала его девушка. — Только я сахар не нашла, с медом будешь?

Кофе с медом? А почему нет? Ко всем нелепостям происходящего прибавить еще одну... Кстати! Она впервые назвала его на ты. Кофе с медом — бурда натуральная, но какая разница! В голове засела эта фраза: «А дело-то все в том, что любовь кончилась». Эка новость! Сколько уж раз он слышал ее во сне,

наяву, в одиночестве и при скоплении людей. А сейчас будто некий новый собеседник толкнул его в бок: да прими ты, наконец, это объяснение как безусловную данность!

Листов одним глотком допил свой кофе, резко поднялся из-за стола и зашагал к машине. У ворот остановился, посмотрел назад. Она стояла, слегка наклонив голову и сосредоточенно всматриваясь в него, так дети заглядываются на что-то новое, неожиданное. Он развернулся, тем же быстрым шагом подошел к ней и заговорил, сбиваясь, горячечно обрывая слова.

— Я все понял! И как это я, дурак, сразу не догадался!? Последняя точка... Ты отыскала в моем дневнике то, что тебе не предназначалось. Наверно, очень хотелось, вот и нашла. Ты не захотела понять, что настроения бывают всякие. И сомнения тоже... Прости. Но не могу уйти от мысли, что ты упорно накапливала мои проступки, просчеты, безумства, даже непристойное поведение супа. Нанизывала на ниточку давно созревшего решения. А уж потом — все действительно не важно: как, что, почему. Я не хочу один виноватым оставаться, это — неправда. И вообще все — ложь! Ложь! Ложь!

Так же внезапно, как вспыхнул, он оборвал себя на полуслове. Кто это перед ним? Зачем он ей все это говорит? Он же все перепутал! Это не она! Кто-то неведомый взял и провалил его в небытие, во вчера. «Оно же давно умерло!» — крикнул в нем прозревший вдруг Листов. Секунду, другую постоял молча, повернулся и пошел.

— Я живу новым счастьем! — крикнула она вслед. — А ты старой бедой!

Обратный путь он проделал без остановок, забыв, что перед поездкой сам себе строго наказывал останавливаться через каждые шестьдесят-семьдесят километров. Будто гнал кто вперед и вперед, бесконечно повторяя вперемешку: старая беда, покоящийся возраст, покоряющийся возраст, новое счастье, старая беда... Про этот самый возраст он когда-то вычитал у Достоевского в «Идиоте», давно забыл, и вот теперь выплыло.

У входа в подъезд он встретил соседку с четвертого этажа. Она не так давно похоронила мужа и, по всей вероятности,

страдала от одиночества. При встрече обязательно затевала разговор — о чем угодно, лишь бы говорить. Могла, к примеру ни с того ни с сего предложить:

— Хотите, научу вас делать торт из фруктов с мороженым?

Нынче она, ответив на приветствие, всплеснула руками:

— Ой, как же вы помолодели! Наверно, отдыхали где-то?

— Отдыхал, — ответил Листов и проскользнул мимо нее в подъезд.

Прошелся по квартире, отмечая, как посерело все от толстого слоя пыли. На подоконниках пусто, лишь сиротливо пылился горшок из-под герани. Больше умирать было нечему. Странное дело, этот горшок подействовал на него, как шарик в руках гипнотизера. Листов уставил в него взгляд и сидел неподвижно, пока воздух за окном не стал видимым. Он сам придумал и со временем уверовал в это: воздух становится видимым в сумерках, а к ночи его можно даже потрогать. Днем он невидим.

— Ты чего засиделся? — спросил его другой Листов.

— Не мешай мне мечтать, — отмахнулся первый.

— И о чем же мы нынче мечтаем? О той златокрылой, которую сам же отверг?

— Тебе не понять, это несбыточное.

— И все же.

— Я мечтаю о бутылке кефира, которую можно было открыть, нажав пальцем на крышку из фольги. И приложиться к этой бутылке и испачкать рот. О мороженом за семь копеек. О радости, когда мне купили первые взрослые полуботинки. О девочке Свете, которая любила меня с первого по десятый класс и даже после школы, как утверждали мои бывшие одноклассницы. А я понятия об этом не имел, я гонялся за призраками и химерами.

Из-под входной двери потянуло резким запахом жареной на свином сале картошки.

— Черт, — выругался Листов, — когда они уже эту проклятую вентиляцию наладят!

Он прекрасно знал, что они, то есть работники ЖЭУ, не в состоянии наладить вентиляцию, намертво забитую обломками кирпича и мертвыми голубями. Не так давно его даже забавляла игра, когда он, зайдя в подъезд, пытался отгадать в букете

запахов, в какой квартире тушат капусту, где готовят к столу котлеты с гречкой, где жарят рыбу. Теперь его это кулинарное сопровождение раздражает. Заглянул в шкафчик под кухонной раковиной, там хранились овощи. Со дна ведерка ему печально улыбались две сморщенные картофелины с ростками в ладонь.

Ночью ему снилось озеро и девушка Надя на берегу.

— Уйди! — кричал он ей во всю силу легких. — Тебя не было и нет, уйди!

И просыпался. И слышал в густом воздухе ночи эхо собственного крика. С трудом засыпал, и тут же все повторялось в удивительно точных подробностях.

Измученный, он едва дождался утра и вышел во двор. Его запыленный с дальней дороги жигуленок выглядел бедной сироткой в ряду блестящих лаком и никелем иномарок. И такая нежность вдруг нахлынула на Листова, такая жаль к этому прадедушке рода железных скакунов, что дыхание перехватило.

— Милый мой дружок! — Он погладил лобовое стекло, все в прилипших мошках, капот. — Ведь не подвел ни разу за всю дорогу, спасибо тебе!

В этот ранний час по школьному двору прогуливалась лишь пожилая семейная пара. Они шли, взявшись за руки и оживленно о чем-то рассуждая. Возможно, спорили: ровная шкиперская бородка то и дело упрямо выставлялась вперед, в ответ шляпка несогласно двигалась в сторону. Как всегда, они с особой торжественностью поприветствовали Листова и прошествовали дальше. На втором круге он, обгоняя их, расслышал:

— Ведь это же понятно, что сегодня возвышенное не помещается в нашу жизнь.

Листов оглянулся на них и отчего-то вспомнил царя Соломона: «Ваша жизнь — история Вселенной». На следующем круге он услышал:

— Для Шопенгауэра основным философским вопросом был «Что есть мир?». А нынче все поголовно вслед за известным писателем мучаются одним и тем же: что с нами происходит? Чувствуешь разницу в задачах познания?

Листов улыбнулся: им точно никогда скучно друг с другом не бывает!

Котята подросли. По возрасту они несомненно были одного помета, но вот мастей в этой великолепной семерке намешано столько, что он вспомнил первую свою мысль, когда увидел котят, будто в их появлении на свет виновны, как минимум, полдюжины родителей. На выходе из школьного двора он повстречал высокого господина в велюровой шляпе и очках «Директор». Он отмерял пространство четким шагом военного и замер как по команде под приветствие Листова:

— Доброе утро! Давненько не виделись.

— Давненько... Вы о времени? — И далее последовал монолог со знакомой чеканной интонацией. — Время — миг, это ничто. Строго говоря, настоящего нет, оно не существует. Будущее постоянно перетекает в прошлое. В настоящем, в этом миге, в этом ничто и находится время, точнее иллюзия существования времени. Если определить время как понятие, охватывающее прошлое и будущее, то оно состоит из прошлого, которого уже нет и будущего, которого еще нет. В таком случае время состоит из двух величин, которых нет. Следовательно, нет и целого.

С этим он строевым шагом проследовал дальше, держа на отлете руку, сжимающую песью голову на ручке трости. А Листов, оторопев, провожал его долгим взглядом.

Маленький цветник у дома как-то подозрительно поник, тут и там полезла сорная трава. Заметно, что за ним не ухаживали неделю-другую. «Может, заболела бабушка? — подумал он. — Или к родственникам уехала? Или свой сад-огород обихаживать?»

На крыльце его поджидала соседка с четвертого этажа, то есть она наверняка поджидала кого-нибудь, а попался он.

— Вы даже не представляете, какую вкуснотищу можно сделать из обыкновенных кабачков! Будете есть и не поймете, из чего приготовлено блюдо. Кстати, у меня есть лишние, никогда не угадаешь, сколько тебе понадобится. Посадишь три семечка — а их гора нарастет. Вы дома будете? Я занесу и как готовить расскажу.

— Извините, — Листов придвинулся к выходу, — у меня, знаете ли, на эти кабачки аллергия. Да-да, и на капусту и на тыкву тоже.

Соседка посторонилась, провожая его недоверчивым взглядом.

— Так у меня есть рецепт, составленный из нескольких травок, помогает от аллергии, — сообщила она погасшим голосом.

В подъезде его встретил густой аромат гуляша на мучной подливке в смеси с запахом тушеной баранины. «И картошечка сверху на подошедшем к готовности мясе, — подумал он и выругался: — А, что б вас пронесло от обжорства!» Дома он прошелся по ящикам с продуктами — крупы, концентраты, лапша. А вот то, что надо, быстро, сытно, аппетитно: помидорка, сиротливо ожидавшая своего часа в одиночестве, три яйца. Как он и предполагал, с двумя желтками не оказалось ни одного. Сначала мелко порезать на сковороду помидорку, слегка потушить с лучком и свернуть яйца. Шакшука — та же яичница на еврейский манер.

12

Позавтракав, он сел за компьютер, предварительно протерев его от пыли. В почте оказалось несколько рукописей, присланных ему небольшим частным издательством. Ему надлежало дать оценку романам, повестям, рассказам, по сути, подсказать издателям, стоит ту или иную рукопись печатать или нет. Платят за эту работу копейки, но тут — как в анекдоте, когда мужик варит яйца для богатого соседа и не имеет за это ни гроша. «Зачем тогда?» — спрашивают его. — «А во-первых, навар мой, во-вторых, я при деле». Первым попался на глаза сборник новелл молодого автора. Вот ведь — новелл, не рассказов! — с усмешкой отметил Листов. Стал читать.

Резюме

Иван уверенным движением обрушил уже пятую трехлитровую банку пива на стол. Разговор пошел в охотку после того, как хорошенькая официантка принесла две тарелки с манти. Влад намазал на один из них слегка подсохшей горчицы — как обычно, с избытком. Фоном трещал телевизор с очередной набившей оскомину советской комедией, не мешая собеседникам вести деловую беседу. Иван, припивший между банками стопку водки, жестикулировал как мог.

— Я хрен знает. Прихожу — вроде контора деловая, а на входе просят разуться и в тапочки. И еще такое гримо строят: вы чииивооо, с собой не носите? У нас тут, блин, ведический центр, нах!

Влад, опохмелившийся после вчерашнего корпоратива, приободрился, хотя всего полчаса назад его не интересовал ни Иван, ни его базовые проблемы человека-соискателя. Сколько их уже было в этом году? Это без разницы — важны лишь три тысячи в час.

Влад работает эйчар-консультантом, объясняя каждый день иванам, что им нужно уезжать из провинции от копеечно-чудаковатых работодателей, которых ивановское трудолюбие пугает на уровне рефлекса: пришел кто-то более умный — не пущать. Возьмет свое, глазом не успеешь моргнуть. Влад уже не первый год занимался транспортировкой таких вот иванов из Бердяевска в Москву: инструмент тут был по сути один — переписать резюме.

Пиво наполнило кружки. Иван наконец-то заткнулся со своими потрясающими историями о том, как работал грузчиком в продовольственном, потом логистом, а после случки с женой директора по маркетингу был отправлен в пешее плавание на рынок труда.

— Давай сюда свою щенячью карточку, Вань. Будем чинить.

Скудное резюме: Ваня работал всю жизнь хрен пойми кем, хрен пойми где. ИП Горностаев, даже и звучит-то смешно: каких таких горностаев? Метод Влада был простой — поменять слова местами, пририсовать ноль, убрать единицу, кое-что перефразировать. Ну и, понятное дело, выпить за счет «клиента».

— Смотри: у тебя написано, что работал заместителем маркетолога три месяца. Ну полная же хренотень. Сразу видно: пришел, наломал дров, ушел. Пишем красиво, как учил Эндрю Смит: чиф маркетинг офицер, с повышением от линейного уровня. Проекты: сделал кампанию по рекламе, после которой... Чем там твой этот чудак барыжил?

— Подшипниками, брат. Я из твоей речи только слово «чудак» понял, из песни слов не...

— ...Значит, пишем уровень английского: продвинутый. Я тебе все разжую, вижу, что не МГИМО.

Легким движением извилины Иван из неудачника в дешевой пивной рыгальне превратился в директора по маркетингу,

изящно залетевшего в маргинальный бар для контрастных ощущений после очередного колла с кей стратеджик партнерс. К слову, Эндрю Смит являл собой абсолютно выдуманного персонажа. «Как говорил Эндрю Смит, чтобы заработать, надо поработать», — любил повторять Влад, искренне веселясь слушателю, сжирающему столь паскудный тезис.

— Теперь смотрим на уровень зарплатных ожиданий. Свои двадцать тысяч потратить лучше на Apple Watch, будешь небрежно ими потряхивать, типа ты весь из себя по фитнесу, ЗОЖ. Еще выплесни на собеседовании, что цель на год — полумарафон, а потом и целый.

Иван чесал репу, делая пометки в блокноте. Влад долил водянистого «фирменного» в кружку.

— Не двадцать, а сто двадцать. Все — смотри. Ты у нас директор по маркетингу, учился в шараге — но зато селфмейд с кучей ачивментов. Прошел тренинг Эндрю Смита — вашего фаундера. Страницу мы ему на Linked In заведем — это уже моя задача.

Ваня уже прекратил делать вид будто что-то понимает, услышав главное: «сто двадцать». Пиво закончилось — приятелям предстоял путь через дорогу в еще более убитый бар — пить водку с юристами, чей офис находился в том же здании.

— И запомни, Ванёк. Не «пошел бухать с Федей из заводского юротдела», а «нетворкинг»!

Иван резко взмахнул рукой с выставленным для Влада средним пальцем, но лишь смахнул пустую банку, взорвавшуюся на бетонном полу со звуком, плавно перерастающим в матерный рев хорошенькой официантки.

Листову стало весело.

— И скажите мне, — обратился он к висящей на стене групповой фотографии с его однокурсниками, — как нам с ними разговаривать? И станут ли они вообще — разговаривать с нами...

А по-честному рассказик — пардон, новелла! — ему понравился: характеры, энергетика, опять же, будь оно неладно — время.

— Малевичи, Пикассы! — высказался он по адресу новых творцов этого самого нового времени.

Дальше читать расхотелось. «Брошу я это занятие, — подумал он, — пустое. Адресата нет. Нынче ощущение, будто у всего,

что бы ни происходило, нет адресата: работа направлена в безадресное пространство, читать некому, любить имеет смысл только себя, в крайнем случае, партнера по постели. Простой человеческий адрес, написанный рукой на конверте, оказался ненужным. Листов выключил компьютер, но перед тем, как погаснуть, экран отчетливо высветил во всю ширину поля: Надя. Он тут же попытался вернуть картинку — бесполезно. Заново выключил и включил аппарат — результат тот же.

Утром следующего дня он отправился в поликлинику. Накануне позвонила врач и напомнила, что пришло время обследоваться. Как ни оттягивал это время Листов, делать нечего, пришлось идти.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась врач, женщина лет пятидесяти, ухоженная, накрахмаленная, с безупречным маникюром, в очках с модной оправой.

— Замечательно! — с преувеличенной бодростью отвечивал он.

— Да? — с удивлением посмотрела она поверх очков. — Вот и хорошо.

Рентген, ультразвуковое обследование, томограф — на все ушла половина дня. Вернувшись в кабинет врача с листочками и снимками, он не удержался, спросил.

— Как вы думаете, доктор, сколько мне еще осталось?

— А сколько бы вы хотели? — мгновенно отыграла она вопрос.

— Пятнадцать лет, — выдохнул, не задумываясь, Листов.

— Значит, пятнадцать и проживете.

— Нет, серьезно, я же прочитал эти результаты...

— И что? Обследования делаются для лечащего врача, а не для вас.

И выводы не вам делать. Так и порешили — пятнадцать!

На подходе к дому он повстречал человека, который то и дело возникал перед ним как черт из табакерки: нет никого в обозримом пространстве, и вдруг — вот он, нарисовался. И всегда с одним и тем же: у него неиссякаемый запас анекдотов про смерть.

— Вот, — сразу приступил он к теме, — новенький приготовил. В дверь позвонили, мужик пошел открывать. «Приветствую, я твоя смерть». — «Иди ты в задницу!» — «Так и запишем: рак прямой кишки».

С тем и отбыл, дернув на прощание своей лисьей физиономией. Она всегда у него дергается, будто он свежий след добычи почувял. Исчез он тоже, как обычно, — растаял.

Похоже, сегодня на всех этажах жарили рыбу. Камбала, наверно. Неудивительно, в соседнем магазине объявили на нее скидку. Зайдя в квартиру, Листов первым делом несколько раз включил и выключил компьютер — все как обычно.

Листов взял из библиотеки свежие журналы, которых все меньше и меньше стало и выходить, и приходиться. Расположился на своем широком диване, подумав: если мой дом — моя крепость, то мой диван — главное укрепительное сооружение. Читал, радовался и удивлялся, сколько же еще талантливых людей! Молодые являют рассказы — чудо, стихи-открытия. Мир живет несмотря ни на что, мир яростно сопротивляется. И пусть не будет скорой победы у этого маленького осколка современности — собрания талантов, — в них спасение! Они сейчас все меньше и меньше востребованы, общество самоубийц не интересуется ими, потому что суть суицида в отрицании жизни, как раз того, чем наполнены маленькие талантливые единицы. Но здесь не пример с параллельными прямыми, когда-нибудь сойдутся самоубийцы и их спасители... И тут он вспомнил: завтра у дочери день рождения.

13

В баре сегодня многолюдно, можно сказать, полный парад завсегдаев. Первым поднялся ему навстречу подполковник-кадровик.

— Привет от питерской интеллигенции! — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Слышали, у нас в Питере сфинкса украли! Представляете, в центре города, можно сказать, у прохожих на виду! Сфинкса сперли, надо же!

Его перебил дворник Афанасич, не признающий тонкостей этикета. Протянув свою огромную лапу, он утвердил:

— Прогуливаем!

Потянулся с приветствиями прочий народ. Вот ведь тоже, подумал он, коллектив! Как его определить? Трудовой? Нет, конечно. Собутыльники? Тоже нет, каждый или почти каждый

занимается питием в одиночку. Фитоценоз — растительное сообщество, а единение человеческих особей? Humanae communitatis... Барменша Лена смотрит с высоты своего подиума на всю эту пеструю публику, и, кажется порой, у нее один простой ответ на этот вопрос: алкаши! Но нет, это может показаться лишь случайному посетителю. Лена знает, что здесь в основном почтенная публика — художники из мастерских, расположенных неподалеку, музыканты и артисты из общежития, прозванного Богемой, преподаватели из трех близлежащих институтов. Днем, когда в баре пусто, появляется кто-нибудь один из них и рассказывает ей про свою жизнь. Один, другой, третий... Таким образом, Лена узнала подноготную почти всех ее посетителей. Иногда Листов улавливал в ее взгляде на пьющее и гудящее собрание некоторое снисхождение, так смотрит мама на заигравшихся детей.

— Прошу внимания! — вышел он на середину зала. — Сегодня у меня торжество, и потому вся выпивка за мой счет. Кто что ни пожелает — милости прошу!

— А что за торжество, дядя Витя? — перегнулась через стойку Лена.

— Да просто настроение, — приблизился он к ее уху.

— Смотри, вон те двое пьют дорогой вискарь, вылетишь в трубу со своим торжеством.

— Плевать! — Он оглядел публику, приветливо кивнул «питерской интеллигенции» и подтвердил: — Угощаю!

Надо было видеть его в ту минуту: взгляд горящий, вдохновенный, голова гордо откинута назад — ни дать ни взять предводитель воинства, идущего в атаку. Народ как-то странно притих, и только те двое, пьющие дорогой виски, не сбавляли тона. Один из них был тем самым, который когда-то все потерял. Молодые совсем, что им-то терять? Собственно, говорил один, то ли похвалялся, то ли поучал. Листов вслушался.

— У разработчика появилась необходимость быть юзабилитом и понимать в дизайне. Стало полезным разбираться в тайм-менеджменте, так как с ростом технологий человекотруд стал самым времязатратным. Рынок вынудил быть проект-менеджером, знать основы SEO, понимать паттерны поведения пользователей и следить за трендами.

В общем, все растет и меняется, и без маркетингового бэкграунда сегодня никуда. Не удивлюсь, если скоро тимлиду или разработчику вообще нужно будет ориентироваться в вопросах привлечения инвесторов, понимать в акселераторах, разбираться в нюансах и трендах краудфандинга. Помнишь, как когда-то стали востребованы ИС-программисты со знанием бухучета? Вот и я оказался таким диджитал технарем, бороздящим просторы интернет-маркетинга...

Листов как-то сразу приуныл, и ему вспомнился один из героев маленькой новеллы, которую он недавно прочитал. Он еще раз оглядел зал, народ здесь был постарше этих двоих, и все разговаривали нормальным языком. А ладно, усмехнулся про себя, гуляем! Себе он заказал немецкий ликер на травах «Егермайстер» и красное столовое вино. Сочетание, по правде сказать, далекое от изысканности, но ему захотелось чего-нибудь, как говорил его старый приятель-музыкант, позаковряжистой. К тому же он пробовал этот состав, смешивая напитки. Сегодня будет пить тот и другой поочередно.

Странное дело, народ не кинулся опустошать карманы Листова, пили, как обычно, умеренно, покидали заведение всяк в свой срок. Разгулялся дворник Афанасич, но он пил самую дешевую водку. И, как всегда, ругал, по его определению, хозяев жизни.

— Ему самую высокую награду в Кремле вручили, — басил он, — теперь он может бесплатно ездить в общественном транспорте и пользоваться льготами на квартплату. Ему надо, а как же, квартира за пять миллиардов, сколько там жилплощади — попробуй без льгот заплати!

Представитель питерской интеллигенции тихо грустил в своем углу, положив на колени свои изуродованные артритом руки. «Как же ему должно быть больно!» — подумал Листов, глядя на огромные шишки, вздувшиеся на суставах. Подошел к нему со стаканом.

— У дочери день рождения, — почему-то Листов решил именно ему назвать причину того, что сам назвал торжеством. — Она в Испании живет, давно, я для нее что есть, что нет, не переписываемся, не созваниваемся. Можешь себе представить, я внука ни разу не видел, он там и родился, испанец, блин, дон Витторио! Витькой зовут. Как меня.

— А вы все-таки позвоните или напишите, мало ли, что она не роднится. Они ведь, дети, доживут до нашего возраста, и будет им так же одиноко. Или еще как-нибудь — лучше, хуже... Я вот думал ночью, прямо кожей ощущал, что так, как сегодня, психологически тяжело никогда не было. С рожденья и до семидесятых все шло только вверх. С детства. Будь готов! Всегда готов. Давай-давай, дерзай, развивайся, добивайся, преодолевай! А с девяностых началось что-то другое: не упади, удержишься, выживи. И вот эти годы — энтропия какая-то всеохватная. Такого разобщения и подавленности не было за всю жизнь. Впечатление, что все мы втянуты в новую войну, не совсем это понимая. Новая форма уничтожения человечества, невероятно циничная по сути. Кроме тела уничтожается внутренняя среда личности, ее сущность. Идет подрыв духа. Ничего подобного до сих пор не было. Ни одна из предыдущих войн до таких рубежей не доходила. И чувствуется план, чья-то продуманная воля, сценарий. Сначала вот вирус этот, потом что? Бежать? Куда? — Он отпил из своего стакана портвейн, напиток, который, по его словам, оставил за собой от юношеского подъезда до гроба, хотя иногда перемежал его коньяком. — В Питер уеду, — сообщил безо всякой связи с предыдущим, — к сыну. Обещали, скоро отпустят, пенсию уж давно выслужил.

Афанасич все-таки перебрал норму, он мотал головой, как застоявшийся конь на привязи, и о чем-то беседовал сам с собой. Токарь-универсал, похожий на профессора, что-то втолковывал профессору, сегодня похожему на разносчика пиццы, художник, мечтательно закрыв глаза, обнимал полуторалитровую бутылку красного вина. Молодые люди сбавили тон, и посторонним ушам уже не разобрать, о чем они говорят в эту минуту. Молодой мечтатель из министерства сельского хозяйства, крупный блондин с девичьи нежной кожей и детскими глазами, жаловался Лене, что вот он сидит в конторе, вроде для благородного дела посажен — сельские новостройки поднимать, производство наращивать.

— Про инвестиции слышала? — без особой надежды на положительный ответ вопрошал он. — Так я должен, по идее, эту инвестиционную политику в жизнь продвигать. А я тону

вместе с ней в горах бумаг, инструкций, приказов, растянутый враскаряку между Москвой и здесь. Москва сама одобряет, сама тормозит, сама насаждает, почему не выдерживаете сроки? Задолбало!

«Праздника не получилось», — подумал Листов, ощущая тяжесть в голове. Суровый напиток немецких охотников выигрывал сражение.

— А вы не переживайте, — подошел к нему чуткий питерский интеллигент. — Здесь иначе быть не может, это же пристанище одиночества.

«Надо же!» — усмехнулся про себя Листов. С этой мыслью он и пришел сюда. Рассчитался за выпивку, удивившись, как мало пришлось потратить.

— Может, оставить денег, вдруг кто еще заглянет?

— Не надо, — остановила его Лена.

Он шел домой и думал, что вот сейчас войдет в подъезд, а там вечерний букет дразнящих запахов.

— Шалишь, брат! — сказал он неведомо кому и отправился в продовольственный магазинчик в доме по соседству.

Купил килограмм картошки, попросил выбрать пару селедок пожирнее да чтоб с икрой.

— Тут у одной хвостик надломился, — показала ему продавщица болтающийся на коже кончик рыбьего хвоста.

— Ерунда, все равно выбрасывать.

— Зачем же, коту отдать.

— Мой соленую рыбу не ест, — зачем-то соврал он, а потом всю дорогу спрашивал себя: какого кота, чего вдруг придумал, отродясь кошек в доме не бывало.

— А мой все подряд метет! — донеслось ему вслед.

— Картошечка! — любовно приговаривал Листов, отбирая клубни для варки.

Впрочем, в дело пошла вся только что купленная, поскольку приходилось срезать по полкартофелины из-за гнили и обилия червячных ходов. Ничего не поделаешь, магазинная, то ли дело, когда берешь с рынка! Селедка оказалась с молоками, но это не огорчило его. Устроился с ужином у телевизора, показывали, как толпа людей пытается с песчаного берега сдвинуть огромного кита обратно

в море. Старый, наверно, подумал Листов, сил не осталось сопротивляться морской стихии. Хотя он слышал, что киты уходят умирать на глубину. Интересно, что больше движет людьми: желание помочь едва шевелящейся горе или страх, что умерший кит, разлагаясь, отравит пространство? Может, и то и другое.

Досматривать историю с китом он не стал, отправился спать. Однако сон не шел, наверно, виной тому был немецкий ликер. Листов слышал не раз, что выпивка помогает уснуть быстрее, но на своем опыте он убедился в обратном. За окном полусвет-полутьма и назойливо визжит фреза, рабочие пилят тротуарный камень, меняют асфальт на плитку. Время для них определяет не узаконенная продолжительность рабочего дня, а приказ бригадира. Лучше ли станет город от этих героических усилий? Наверно, лучше, иначе зачем? Интересно, доведись Листову уехать из родного города, что он будет вспоминать? Не тротуарную же плитку. Наверно, арку в доме, где он не живет уже полвека, гастроном под шпилем, рюмочную, одноклассницу Риту. У нее были белые волосы, она вошла в него всей страстью первых loves, первого понимания мира как самого чудного чуда. Рита! А еще уличные дешевые кафешки и одна напротив его окон. Мимо неслись машины, пыхтели автобусы и искрились троллейбусы, а он ничего не видел, кроме своего окна, которое слепо взирало на него.

14

Чуть больше недели до конца лета. Все считают, как считали дни до конца зимы, все считают и понимают, никакого смысла в этом счете нет. А жалко уходящего лета — маленькая жизнь, время неиспользованных возможностей. Надо бы успеть съездить в Горный Алтай, посидеть на берегу Катуня. Там молодость, там... Ни одно место, где бы он ни был, не вызывало такого подъема духа и сил. Память возвращает и возвращает туда, где меньше всего смысла и больше всего чего-то другого, далекого от этого самого смысла. Маленький магазинчик у трассы в алтайском селе Барангол. С неба падает проливной дождь, а они с другом Сашей Кибой сидят под козырьком на крылечке этого магазина и пьют портвейн. Какой тут смысл? Зато какой сумасшедший,

необъяснимый восторг! Душа создает себе природу и обретает дыхание, как поэзия, из сора и хлама, мы же ее постоянно обманываем: хорошо телу, а мы приплетаем душу.

— А небо голубое! — сам с собой разговаривает Листов. — И приближается сентябрь. И я никакого не исключение, дни мои где-то и кем-то сочтены. Пятнадцать лет? Ну-ну... Жить, конечно, хочется, еще не все глупости исполнены, но уже становится понятным, что умного точно ждать не стоит, ибо в прошлом ничего умного, откуда и с чего ему взяться в будущем?

На сегодня запланирован поход в баню. Банная история в городе отражает все сумасбродство и непостоянство нынешнего бытия. Сначала Листов с компанией посещали бани на Никитинской, там закрыли, и они перешли на Комсомольский проспект, хозяин поменялся, новый поменял и профиль заведения. Оттуда отправились в бани на Партизанской, но их вскоре закрыли из-за ветхости здания. Один из компаньонов-парильщиков, приезжий, осетин, разбогател на торговле овощами и построил на территории своей базы оздоровительный центр с сауной и бассейном. Вот туда нынче и переместилась поредевшая и потрепанная временем компания.

Листов пропустил почти все лето и в величайшем удивлении обнаружил друзей, сидящих в кружке за чаем и — вот уж, действительно диво! — чтением какого-то популярного издания. Ни пива, ни водки, никакой другой глупости.

— Что за изба-читальня? — нагнул он к уху сидящего поодаль маленького дедка с козлиной бородкой.

— А у нас теперь ЗОЖ, здоровый образ жизни, — отозвался тот. — Никакого спиртного, оно ведь, если по-честному, с баней несовместимо. — Дед выговорил последнее слово с подчеркнутым значением. — А отдыхаем после парной за чтением всяких новинок — кто что раздобудет.

Эх, восстал второй Листов, пропала баня, уж лучше бы снесли, как все остальные. Не всегда и не во всем согласный с ним Листов первый начал раздеваться. Не пропадать же веннику, вон какой у него нынче, на рынке купил — плотный, веточка к веточке, ароматный.

— Любое движение, кажущееся слитным, на самом деле состоит из отдельных отрезков, именуемых фазами, — читает, опустив

очки на кончик носа, бывший футболист, — и промежуток между фазами состояния объектов надо рассматривать как расстояние между ними, а не как время. Материя постоянно движется с определенной быстротой, а скорость — это расстояние за искусственно созданный ритмичный период. Внесение в определение свойств материи понятия «фаза» снимает постоянно возникающую иллюзию существования времени. Становится ясным, что время — это не природное явление, а феномен человеческого разума. Феномен времени спонтанно возникает в сознании человека всякий раз, когда он осмысливает продолжительность какого-либо явления или события. Материя существует в трехмерном бесконечном пространстве в постоянном относительном фазовом движении. Во-от! — Футболист назидательно поднял палец вверх. — И мы в итоге имеем что? Великая иллюзия времени кроется в бытовом сознании и простирается до величайших умов науки.

Он оглядел собрание с видом торжества разумного над невежественными.

— Бредятина ученая! — отозвался бывший работник бывшего химкомбината, проданного столичным коммерсантам как пустующий кусок земли. — Вот я сижу тут в голом, извините, виде, и какие такие фазы я переживаю?

— А несколько, — выставился начальник строительного управления, которого, едва назначив, тут же отдали под суд. — Вот ты был в парной, вот вышел — уже новая фаза. Вот налил из термоса чаю, вот сел, вот заговорил — видал, сколько изменений?

— Ну ладно, — упирался химкомбинатовец. — Я сижу без движений, молчу, а часы-то тикают! Было пять минут двенадцатого, а теперь десять. Какие такие фазы показывают часы? Время!

— Вот ты сидишь, болтаешь тут, — с видом превосходства футболист упер в собеседника палец, — а тем временем ты старишься, переходишь из одной фазы в другую. Секунда, другая, минута, пять — изменения необратимы, фиксируется при этом время или нет.

— Умственная эквилибристика! — проворчал бывший заводчанин.

А Листов отметил про себя: каждая новая фаза, по сути, старение всего и всякого.

После бани он решил просто посидеть в школьном дворе, нагрузка и без ходьбы получена достаточная. В тени под кленами стоял отслуживший свое ученический стул, на нем обычно устраивался охранник, выходявший из школы покурить. Сегодня можно было наблюдать весь парадный выход. Листов думает, что бы такое спросить у высокого старика в очках «Директор» и велюровой шляпе, чтобы услышать по-воински четкий ответ. Мимо проходят, тихонько переговариваясь, шляпа в стиле капелина и лыжная шапочка с буквой Д. В который уже раз он отмечает, что головные уборы делают старушек похожими на персонажей из старого забытого мультфильма. Тут же на память приходит фраза из Ремарка: «Шляпка, которая идет тебе, служит большей моральной опорой, чем целый свод законов». Вежливо кивают, проходя мимо него, замолкают. Поодаль резвятся подросшие котята, которые, на взгляд Листова, в зиму войдут вполне взрослыми кошками. Войти-то войдут, думает он, да выйдут ли. Переживших здешние лютые холода легко узнать: у кого уши отморожены, кто полхвоста потерял, большинство вообще исчезает бесследно.

Неожиданно высокий старик остановился возле него и заговорил первым.

— Знаете ли вы, что такое психосоматика? — все тем же чеканным тоном задал он вопрос. — Попросту говоря, это влияние чувств и переживаний на физическое состояние человека. Недостаток положительных эмоций, негативные мысли, чувство вины и даже повторение определенных фраз — все это влияет на общее состояние. Вот не поверите, если очень часто повторять слова «видеть тебя не хочу», может развиться близорукость. Психологическое напряжение может привести к изменению состояния сосудов и, как следствие, повышению артериального давления, нарушениям сердечного ритма, боли в области груди. Страх может вызвать учащенное сердцебиение и боль в сердце, и наоборот, боль с измененным сердечным ритмом может вызвать страх. Оба процесса усиливают воздействие друг на друга и бесконтрольно переходят в приступ. — Старик сделал четкий поворот через левое плечо и сообщил напоследок: — Ходить надо больше.

Листов на какое-то мгновение почувствовал себя солдатом-первогодком, которого на плацу отчитал за нерадивость старший офицерский чин. Однако его внимание тут же отвлекла пара, муж и жена, которых про себя он прозвал неразлучниками. Они выходили из подъезда — в магазин ли, на прогулку, по какой другой надобности — только вдвоем, только под ручку. Эта постоянная близость друг к другу не мешала им без усталости горячо спорить. Вот и сейчас, отвечая мужу, она остановилась, повернулась к нему лицом и отчеканила:

— Как сказала Настасья Филипповна, в отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда самого себя.

— Я считаю, цитата в нашем случае некорректна, — защищаясь, ответил он и тут обратил внимания на меня. — Мы рады видеть вас в добром здравии. — И церемонно поклонился.

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь! — подхватила его жена, и крохотная вуалетка на шляпке дрогнула в такт движению головы.

Листову интересно было узнать, кем они были в допенсионную пору своей жизни. Когда это — двадцать лет назад, четверть века? Спросить напрямую неловко как-то, остается догадываться, предполагать. И тут его мысли человек со шкиперской бородкой в десантном берете (сегодня он надел праздничный малиновый берет) прервал странным образом.

— Вам, очевидно, небезынтересно узнать, что это за ископаемые носят здесь свои старческие чресла у прохожих на виду. Павел Борисович Потапов. — Наклон головы, пристук каблук. — Александра Альбертовна, единственная и неповторимая супруга. — Легкое движение руки в сторону дамы, которая, как показалось Листову, восприняла ее представление без улыбки да и вообще безо всякой реакции. — Мы долгое время жили в соседней области, — продолжил он. — Я работал главным редактором крупной газеты, Александра Альбертовна — корректором. Прошу отметить, что пришли мы в газету уже будучи мужем и женой.

Ей не терпелось сдвинуть супруга с места, пойти дальше, это было очевидно. А он все не шел.

— А знаете, вы ведь, думаю, человек просвещенный, ну, опыт мой это подсказывает. — Он приложил руку к берету, словно от-

дал честь. — Приходите к нам в гости, вон средний подъезд в вашем доме, пятнадцатая квартира. Поговорим в домашней обстановке, за чаем, так сказать.

— Нет, я прошу вас, — неожиданно горячо прервала его спутница. — Не надо к нам приходиться! Понимаете, это...

— Как вы смеете, Александра Альбертовна! — В голосе его и возмущение, и твердость, и властность. — Если б вы прошли мимо и оставили молодого человека без приглашения — это можно простить, но после моего... Как вы смеете! — повторил он.

Внезапно она сжалась, сделалась еще меньше, ушла в одежды, словно улитка на солнцепеке, залепетала, зачастила.

— Конечно, конечно, что вы, что вы, приходите, будем рады, я так, случайно, конечно, приходите...

Несмотря на ее паническое отступление, бывший редактор продолжал кипеть возмущением.

— Вы не оставили молодому человеку выбора. Кстати, как вас зовут? — получив ответ, он удовлетворенно кивнул. — Теперь он просто обязан будет прийти, чтобы не оскорбить меня, чтобы мы не подумали, будто ему показалось, что подобные приглашения раздаются направо и налево. Не так ли? — вбуравил он в Листова свинцовый взгляд. — Завтра. Мы будем ждать вас завтра.

Еще раз прищелкнув каблуками, он подхватил супругу под руку, и они двинулись дальше. Сделав несколько шагов, она обернулась.

— Вы обязательно должны к нам прийти! Сделайте это для меня!

Поди вас разбери, думал он, глядя вслед удаляющейся паре. Годы. Жизнь. Усталость. Слова эти сейчас могли говорить о многом, а могли оставаться просто словами.

Неожиданно, будто соткавшись из воздуха, перед ним возник человек с лисьим лицом.

— Я же вам дал свой номер телефона, а вы так и не отзвонились. Даже под пытками Листов не мог бы вспомнить, когда это было и было ли вообще. Он пожал плечами, давая понять: ну, а зачем?

— Ладно, — человек подергал головой. — Самый короткий анекдот. Патологоанатом даже мертвый все равно едет на работу.

И исчез, растворился в той же невидимой субстанции, из которой появился.

У подъезда он встретил соседку с верхнего этажа. На ней была ослепительно-зеленая куртка и столь же яркая розовая шапочка, которую не представлялось возможным связать с каким-либо сезоном. И тут ему вспомнилось слово из далекой юности, пожалуй, даже из детства — демисезонный. Чаще всего оно относилось к пальто, тогда ведь никаких курток не было. Теперь-то он знает — то есть вот сейчас прямо и открыл, потому как раньше в голову не приходило, а потом и вовсе забылось, — все очень просто: перевод с французского, межсезонье, весна-осень. Женщина что-то искала у себя в сумочке и, едва поздоровавшись, не оставила этого занятия.

— Ключ потеряли? — поинтересовался Листов.

— Нет, вот только недавно в руках держала рецепт нового торта, специально для вас выписала. Называется «Эстерхази».

— В прошлый раз вы что-то говорили про «Наполеон». У вас, смотрю, рецептурный перечень всех королевских фамилий Европы.

Она вспыхнула, уловив усмешку в его словах, но продолжила по инерции, затухая:

— Это был новый под названием «Слава Наполеона», а еще есть «Остров святой Елены»...

— Не умею я делать торты и не научусь уже. Сам я их не очень, да и было бы для кого...

— Мне вот тоже не для кого, — горестно подхватила соседка.

— Спасибо, лучше пирожки. Только жареные.

— А какие вы больше любите?

— С картошкой и с капустой.

— Надо же! — всплеснула она руками. Это и мои любимые. Значит, договорились. — Она умолкла и как-то потухла вдруг, поникла. — Я, наверно, кажусь вам глупой и смешной, — она приоткрыла рот к головному убору. — В этой дурацкой розовой шапочке... В этой куртке.

Не дожидаясь ответа (а что бы он мог ей сказать?), она быстро скользнула в дверь. Оставила Листова переживать по поводу чужого одиночества, прибавляя его к своему.

Продолжение следует.